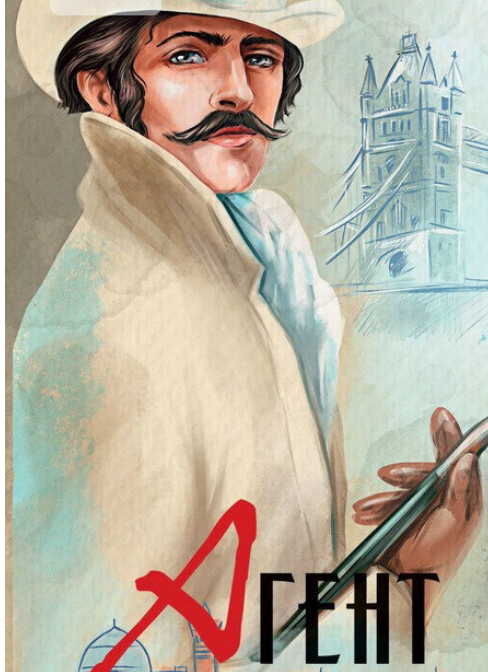

18+

РАМЗАН САМАТОВ

АГЕНТ
РУССКОЙ
РАЗВЕДКИ

Рамзан Саматов

Агент русской разведки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68043721

ISBN 9785005688873

Аннотация

Перед вами захватывающий авантюрный роман, повествующий о приключениях агента разведки русской императорской армии Яна Мацкевича. Служба заставляет героя перевоплощаться из раба мусульманского наместника в лондонского денди, переносит из среднеазиатского кишлака в европейские столицы, испытывает его ум, силу и выносливость. Эта книга не только заставит вас следить за развитием сюжета, затаив дыхание, но и ближе познакомит с евразийской политической историей второй половины XIX века.

Содержание

Часть первая	7
Глава 11	7
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	65
Глава 6	81
Глава 7	92
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Агент русской разведки

Рамзан Саматов

*В Европе мы были приживальщики и рабы,
а в Азию явимся господами. В Европе мы были
татарами, а в Азии и мы европейцы.*

Ф. М. Достоевский

Редактор Галина Зайнуллина

© Рамзан Саматов, 2022

ISBN 978-5-0056-8887-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Для прапорщика Яна Мацкевича, недавно выпущенного первым классом из юнкерского училища, это был первый бой, первая сабельная атака. Встречный ветер свистел в его ушах и вышибал слёзы из глаз; лицо под козырьком кивера, нагретого палящим солнцем, заливал пот; рот, искажённый криком «ура», извергал нескончаемое «а-а-а-а». Упоительный победный вопль Яна сливался с боевым кличем драгун, казаков и топотом лошадей, скачущих во весь опор. Казалось, ничто не могло остановить людскую массу, в едином порыве мчащуюся на врага. Ян чувствовал себя частицей ла-

вы, изливающейся из проснувшегося вулкана.

Испытывал ли он страх перед противником? Ведь на него стремительно надвигалась столь же устрашающая лава неприятеля. Нет, паники не было! Вместо неё – молодецкая удаль, гусарская лихость и нескончаемый восторг без тени шапкозакидательства. Потому что рядом его друзья, товарищи, однополчане... Вон впереди на белом коне мощная фигура генерала Скоблова, облачённого в белоснежный китель; рядом, с опережением на полкорпуса, – вороной жеребец прапорщика Громбашевича; справа от них – чистокровный ахалтекинец с юным безусым всадником в седле; позади – нескончаемый, ощетинившийся пиками поток драгун и казаков. Яну ли испытывать страх среди таких молодцов!

«Ы-ых!» – первый в жизни удар саблей по живой плоти слева-направо-вниз.

«Ы-ых!» – ещё один рубящий удар на выдохе.

«Ы-ых! Н-на-а!»

Удар, ещё удар. Отбил, увернулся, кольнул...

Всё смешалось на поле битвы, завертелось в лихом столкновении с джигитами алайцев – многоголосый шум, крики раненых, лошадиное ржание, возгласы командиров.

Алайские киргизы тоже не промах. Вот они теснят левый фланг, но сила русского оружия на порядок выше. Стремительный взмах руки генерала Скоблова в сторону слабеющего фланга – и Мацкевич с Громбашевичем устремляются туда, увлекая за собой драгун. Полусотня русских всад-

ников с пиками наперевес врезаются между своими и теснящими их джигитами, отсекая ряды врагов, словно пласт сала острым ножом. Какой-то смельчак твёрдой рукой запускает пику в коня под предводителем алайцев. Всадник падает на землю, но живо вскакивает на ноги, сжимая в руках кривые клинки. Он быстр – настоящий барс, один из сыновей алайской царицы. Вокруг него тут же смыкаются стеной верные нукеры. Они готовы отдать жизнь за своего командира. У Яна мелькает шальная мысль: «Хорошо бы захватить царевича в плен!»

– Ребятушки! – крикнул он. – Не убивайте этого джигита. Это Батырбек – сын алайской царицы. Берите его живьём!

Но куда там! Вокруг Батырбека – лучшие из лучших нукеров, не подступиться. Однако прапорщик Мацкевич не ослабляет напор, не зря же он был в юнкерском училище одним из лучших фехтовальщиков. Раздавая направо и налево удары, он медленно пробивает путь к Батырбеку. В это время на правом фланге русских слышится победное «урра-а-а-а» – противник бежит. Ян радостно поворачивается на клич и... получает сокрушительный удар по голове, который сносит его с лошади. Звуки пропадают. Он лежит на земле, раскинув руки, правая сжимает саблю. Над ним мелькают подковы, лошадиные брюхи, каблуки со шпорами и серебристые лезвия сабель. В гаснущем сознании Яна искрой вспыхивает мысль: «Странно... ни одна лошадь на меня не наступила...»

Часть первая

Глава 1¹

1868 год. Бухарский эмират. Туркестанское генерал-губернаторство²

В начале второй половины девятнадцатого века в Бухарском эмирате сложилась напряжённая обстановка. Причиной тому были непростые отношения с Российской империей. Их итогом стало формирование двух лагерей. Первый состоял из бухарского духовенства и сановников, требующих от эмира твёрдой и радикальной деятельности против России, второй представляло бухарское купечество, заинтересованное в сотрудничестве с северным соседом.

---

¹ Данная глава написана на основе работы А.А Семенова «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени», вошедшей в книгу «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», выпуск 11, «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР», том XXV, Сталинабад, 1954.

² Туркестанское генерал-губернаторство – провинция Российской империи на территории Западного Туркестана, присоединённой к Российской империи Александром II в 1867 году. С 1886 года официальное название – Туркестанский край. Территория Туркестанского генерал-губернаторства входила в состав Туркестанского военного округа.

Между тем военные действия в тот момент Бухарскому эмирату, ослабленному предыдущими походами русских, были не нужны. Он ещё не оправился от отделения Кокандского ханства. Вместе с тем российское военное руководство тоже не желало активных военных действий. Его первоочередной задачей являлось укрепление новосозданных административных единиц Туркестанского генерал-губернаторства и урегулирование испорченных отношений с Кокандом.

На бухарском троне тогда восседал эмир Музаффар, такой же кровожадный и жестокий, как его отец – эмир Насрулла, самый безнравственный из всех правителей династии Мангытов на троне Бухары. Бухарцы называли его «мясником». Продолжительное правление Насруллы ознаменовалось низменным коварством, колоссальной бесчестностью, стяжательством и ужасными злодеяниями: ему ничего не стоило устраивать казни своих подданных сотнями в день.

Возгордясь своим мнимым могуществом, эмир перестал считаться с какими-либо принципами в отношениях между странами. По его приказу были брошены в тюрьму, а затем прилюдно казнены на Регистане³ посол Англии со свитой, турецкий военный, итальянские купцы. Обвинения, брошенные против иноземцев, полностью соответствовали уровню развития бухарского самодура и его приближённых.

– Повелитель приказал казнить иноверцев! – объявили

---

³ Регистан (перс., букв. – место, покрытое песком) – площадь в центре Бухары.

глашатаи на площади. – Кяфиры обвиняются в том, что привезли с собой ящики с чаем, перемешанным с алмазной крошкой, чтобы отравить всех жителей нашего святого города. Кроме того, они одержимы колдовством и с помощью множества искусных вещей умеют превращать день в ночь.

– А-ах! – в едином выдохе ахнула площадь.

Два палача поставили несчастных на колени, схватили за подбородки и, запрокинув их головы, одновременно резанули по горлам. На жёлтый песок Регистана полилась алая кровь невинных жертв.

– О-ох! – вдохнула площадь.

– Кассоб, – это уже шёпотом, вполголоса, чтобы не слышали соглядатаи, – амири-кассоб...⁴

Неизвестно, сколько бы продолжалась тирания Насруллы, но однажды он имел неосторожность силой взять в жены дочь своего злейшего врага – бека города Шаар-Сабиза. Женщина, не выдержав бесчестия и многолетнего унижения, влила ртуть в ухо спящего эмира. Деспот умер в страшных мучениях, но перед этим успел насладиться казнью преступницы.

– А-а-а! – корчился от боли Насрулла. – Дочь шайтана! Гореть тебе в аду! О Аллах, не дай мне умереть! А-а-а-а! Будь проклят тот день, когда я взял её в жены! А-а-а!

Несчастливая была зарезана на глазах умирающего. Ради прихоти тирана совершилась ещё более ужасная казнь –

---

⁴ Мясник. Эмир-мясник (узб.).

на плаху взошли и дети, нажитые в совместном браке с отравительницей.

Наследник престола Музаффар мало чем отличался от своего отца. Родовитые кочевые узбеки хорошо знали его любовь к кровопролитию, склонность к деспотизму и жестокосердие, поэтому совсем не желали видеть своим повелителем. Но неожиданная смерть эмира Насруллы заставила их волей-неволей возвести Музаффара на престол. Это не помешало ему истребить тех из их числа, кого он подозревал во враждебном отношении к себе. Ни во что не ставил ново-явленный эмир и достоинства узбекского военного руководства. При его отце было заведено на всех письменных указах и распоряжениях, направляемых от лица эмира, вместе с печатью повелителя ставить печати и некоторых узбекских высших сановников⁵. Через короткое время Музаффар перестал это делать и в противовес своему узбекскому окружению сосредоточил всё внимание на молодых красивых персидских рабах. Что бы эмир ни захотел совершить, дурное или благое, они во всём ему потакали, всячески льстили и сами во всём подражали покровителю.

Не приходится удивляться тому, что при полном отсутствии управленческой культуры и низком уровне развития война с Российской империей, которую Бухара сама же

---

⁵ По этнографическому составу население Бухарского эмирата разделялось на две части, из которых к первой относились народы тюркского происхождения, а ко второй – народы иранского происхождения. Большинство в эмирате составляли узбеки.

и спровоцировала, закончилась для неё полным провалом. Подполковник Черняев, по прозвищу «Ташкентский лев», двумя тысячами солдат при двенадцати орудиях штурмом взял стотысячный Ташкент.

Эмир Музаффар, ошеломлённый успехом русских, приказал немедленно укреплять Джизак, считая его преградой к окрестностям Бухары. Вокруг города построили невероятно высокую крепкую стену. Набрали множество нукеров и наукария⁶ для отражения атак русских. Командовать своим войском эмир назначил кушбеги⁷ Якуба, который был до этого всего лишь дворцовым слугой и за свою жизнь не участвовал ни в одном сражении. Узнав об этом, даже самые неопытные наукария сочли бесчестьем для себя подчиняться приказам горе-главнокомандующего. Среди воинов возникли волнения.

– Позор!

– Бесчестье!

– Срамота!

– Какое унижение! Мы с таким командующим при первом же столкновении проиграем.

– Кто будет управлять? Этот Якуб?! Не позорьте мою седую голову. Он же даже ружейного выстрела в жизни не слышал... Какой позор!

---

⁶ Нукеры и наукария (нукарийа) – солдаты регулярных и иррегулярных войск.

⁷ Кушбеги – титул, соответствующий статусу визиря и высшего сановника Бухарского эмирата.

Русские ещё не успели подступить к крепости, а в Бухаре уже, по примеру Джизака, тоже начались брожение и ропот. Первыми взволновались студенты медресе и представители духовенства.

– Что мы здесь сидим? Это же джихад!

– Точно!

– Верно говоришь!

– Все на джихад!

– Это фарз! На джихад!⁸

– Все на джихад! – кричали на Регистане муллы. – Это обязанность каждого! Малого и великого, простолюдина и благородного. Все на священную войну!

Эмир Музаффар, потрясённый воодушевлением простых людей и священства, был вынужден объявить всеобщий сбор военных сил. Затем, едва закончив приготовления, правитель выступил с войском из Бухары в направлении Джизака. В обозе имелось множество пушек и верблюдов, при этом порох и боеприпасы ещё находились в Бухаре. А когда их подвезли на позиции, то порох оказался отвратительным: мокрым и негодным для заряжания пушек и ружей. Удивительная беспечность.

После отхода войска по городу затрубили трубы-карнаи

---

⁸ Джихад (букв. усилие) – священная война с неверными. Понятие в исламе, означающее усердие на пути Аллаха, борьба за веру. Фарз – действие, обязывающее каждого мусульманина в строгой форме выполнять предписания шариата. Здесь – религиозная обязанность идти на джихад.

и загрохотали литавры-нагора, призывая людей на газават⁹. Добровольцы стучали палками в ворота каждого дома, чтобы мусульмане скорее покинули жилища и шли на священную войну. Доходило до смешного: никогда не воевавшие городские жители думали, что газават – это нечто вроде борцовой площадки или арены для скачек. Каждый вооружался длинной палкой с железным обручем, набитым на острие: мол, если русский бросит в него палкой, так и он долбанёт его по голове.

И вот набралось немереное количество отрядов из числа горожан. Одни шли в войско по глупости, другие по незнанию, третьи по причине истовой веры в священность войны, хотя даже само духовенство не могло толком объяснить, как этот поход стал религиозным обязательством.

Когда Музаффар увидел несметные толпы людей, растянувшихся на два фарсаха¹⁰ – что в длину, что в ширину, его сердце забилося от прилива гордыни. Голову вскружило сознание безграничной силы и непобедимости. Под его влиянием эмир принял безрассудное решение:

– О Аллах! Благодарю тебя, что обратил внимание на своего главного раба! Я с таким войском дойду до самого Петербурга. Я дойду до столицы русского императора и низверг-

---

⁹ Газават – в переводе с арабского языка означает «военный поход», «набег», т.е. малый джихад.

¹⁰ Фарсах (фарсанг) – среднеазиатская мера длины в XIX в., равная примерно 8534,25 м.

ну его!

В окружении свиты Музаффар представлял себя самым Тамерланом, а грохот барабанов и резкие гласы труб – вестью о своём невероятном достоинстве самим небесам. Он приказывал делать остановки каждые полфарсаха и пировал с приближёнными по двое суток. Так продолжалось около двух месяцев, пока войско наконец не достигло водоёма, называемого Вонючее озеро – Сасык-куль.

К этому времени многие уже раскаялись, что отправились в этот поход, и даже грешным делом думали спастись бегством, потому как недостача провианта дошла до последнего предела. Бойцам за веру ничего не оставалось делать, как просить или вымогать пропитание.

Между тем русские даже и не думали выступать навстречу. Узнав от разведчиков о приближении войска Музаффара, покрывшего окрестности, словно саранча, командование благорассудительно послало гонца в его лагерь с предложением мира. К несчастью для бухарцев, то ли Аллах отвернулся от эмира, то ли министры не смогли внятно объяснить ему содержание письма, но Музаффар с напыщенным видом отверг предложение русских.

В итоге встреча противников всё же состоялась. Вскоре на горизонте появилось российское войско численностью около двух тысяч солдат во главе с генералом Кауфманом. Бухарцам показалось, будто на них надвигается железная стена.

Только эмир Музаффар сохранял безмятежность, удобно расположившись в палатке, раскинутой на возвышении.

– Мы повелеваем завлечь русских в невыгодное для них место, окружить, связать и забрать в плен! – приказал он.

– Да, повелитель! – повиновался, склонив голову, начальник пехоты Шер-Али.

А эмир под сенью палатки продолжил развлекаться: играл в шахматы, слушал стихи и сказки, которые декламировали ему приближённые. Время от времени он прерывался на то, чтобы, похлопывая стопами о землю под ритм боевых барабанов, внушать своим слугам:

– Передайте моим нукерам: упаси Аллах, если казна русских попадёт в руки нукария и будет разграблена ими!

– Слушаюсь и повинуюсь, повелитель!

– Ещё мы повелеваем начальнику артиллерии Салим-бею и начальнику пехоты Шер-али, чтобы много русских не убивали, а привели живыми. Они будут у нас служить и введут дисциплину.

– Да, повелитель!

Тем временем вдоль бухарского войска, восседая на вороном коне, разъезжал Яхья-ходжа, назначенный на должность главного муллы, и громким голосом вещал:

– Стойте крепко! Сражайтесь за веру!

Его проповедь прервала атака русского войска. По команде генерала Кауфмана солдаты моментально захватили пушки бухарцев и, развернув их, сделали несколько выстре-

лов. Бойцы за веру будто только и ждали этих выстрелов. Не успел рассеяться грохот первого взрыва, как воины эмира бросились бежать. Одним из первых пустил лошадь вскачь главный мулла Яхья-ходжа, сбросив с головы чалму.

Когда Музаффар увидел, что его войско изменило ему, то и он в испуге, как был неодетый за игрой в шахматы, так и вскочил на неосёдланную лошадь, пустившись наутёк. Ещё накануне он заявлял, что дойдёт со своим несметным войском до Петербурга, а теперь стремительно убегал от русских, не имея даже возможности остановиться для передышки. К ночи эмир достиг селения Хаваст и там наконец смог передохнуть. Подоспели слуги и сняли своего обгаженного повелителя с лошади – он справлял нужду прямо на коне, не снимая штанов. С восходом солнца собрались приближённые, в том числе сановники, и переодели Музаффара в чистые одежды. Так что в Бухару эмир вернулся в подобающем виде. Правда, после позорного бегства у него от двухсоттысячного войска осталось лишь пятьсот нукеров.

Столь сокрушительные потери объяснялись тем, что народ Бухары никогда не видел настоящего боя, ведомого регулярными войсками; мало кто из них представлял, что победители могут отказаться от преследования врага. Потому, побросав оружие и снаряжение, «воины джихада» побежали куда глаза глядят. Многие, заплутавшись, вышли на берега Сырдарьи, другие попрятались в горах, третьи затаились в степи, а некоторые умудрились выйти на расположе-

ние русского войска. Там к ним проявили сострадание: напоили, накормили и отправили по домам.

– Давай иди! Иди! Хош бол!

– Передай привет эмиру!

– Больше не воюйте!

Никому не было дела до снаряжения бухарского войска, оставшегося на месте последнего расположения. Русские даже не взглянули на это добро. Весь скарб: оружие, провиант в котлах, скатерти с утварью – впоследствии был разграблен степными киргизами и казахами.

Через месяц Бухарский эмир Музаффар признал вассальную зависимость от Российской империи.

Прошло пять лет после этого события, и по новому договору Бухарский эмират признавался протекторатом России. Но правительство Российской империи, во избежание неприятностей с Англией, не ратифицировало договор о протекторате и официально считало Эмират независимым. Поэтому Музаффару, невзирая на его «славное» боевое прошлое, был пожалован почётный титул Высочества. При этом, разумеется, наместник российского императора не собирался ставить его в известность о реальном положении дел.

По истечении времени, в конце 1876 года, к Его Высочеству Эмиру Музаффару прибыла делегация русских военных. В её составе находился молодой подпоручик Мацкевич – потомок польских татар¹¹. На протяжении нескольких

---

¹¹ Польско-литовские татары или белорусские татары, липки – самостоятельная

столетий его предки занимались исключительно военным делом. Такая же почётная доля выпала и Яну. После Кокандского похода его признали «негодным» к службе в регулярной армии из-за контузии. По прохождении обучения при Генеральном штабе было решено вернуть Мацкевича в строй в качестве агента-разведчика в Туркестанское генерал-губернаторство. В связи со сложными и напряжёнными отношениями между Россией и Англией на этом направлении возникла крайняя необходимость в образованных, думающих и преданных офицерах. Таковым являлся Ян Мацкевич – хорошо подготовленный физически, эрудированный, артистичный, знающий множество языков и отлично представляющий роль и место Российской империи в современном мире.

Он сразу был определён во двор эмира в качестве инструктора нукеров и личного охранника Его Высочества. Под прикрытием этой роли Мацкевич осуществлял свою главную задачу – не допустить контактов эмира с представителями других государств, в первую очередь с Англией. У Музаффера в связи с его появлением тоже возникли тайные устремления – молодой, подтянутый, симпатичный русский приглянулся ему в первый же день. Персидских рабов эмира тут же обуяла ревность при виде того, как их повели-

---

этнотерриториальная общность татар. Известные представители – генерал-лейтенанты Русской императорской армии Сулькевич М. А., Юзефович Я. Д., Кричинский К. И., Базаревский Х. М., генерал-майор Тальковский А. О., польский писатель Генрих Сенкевич, американский актёр Чарльз Бронсон.

тель расточает знаки внимания офицеру с ровной полоской чёрных «венгерских» усов над столь же ровной линией волевого рта. Хотя Мацкевич, воспитанный в строгих традициях русской аристократии, сразу отверг нелепые попытки ухаживания со стороны эмира и сосредоточился на своих обязанностях военного инструктора. Музаффар ничем не выдал уязвлённости, но затаил азиатскую коварную злобу. И в скором времени ему представился случай отомстить своему русскому.

Глава 2

1877 год. Бухарский эмират. Туркестанское генерал-губернаторство

В вечерней тишине, лишь изредка прерываемой редким стрекотом цикад и шелестом листвы, вдруг прозвучал призывный шёпот:

— Пс-с-ст! Э-эй!

«Показалось или нет?! Кажется, кто-то зовёт?!» – подумал Ян.

И вот опять шёпотом:

– Э-эй! Сударь!

Стараясь не звякать шпорами о камни мощёной дорожки, подпоручик приблизился к двухэтажному зданию, расположенному во дворце эмира. В окне мелькнула чья-то паранджа. Среди узоров ажурной решётки второго этажа появился сложенный вчетверо лист бумаги и упал к ногам офицера. Мацкевич осторожно оглянулся по сторонам и, быстро наклонившись, поднял записку. Затем без промедления удалился под тень деревьев дворцового сада – мало не покажется, если его увидят рядом с домом жён и наложниц эмира. Встав под кроной старой алычи, Ян развернул бумагу, пахнущую розовым маслом. Записка была написана на русском языке красивым витиеватым почерком: «Сударь! Умо-

ляю спасти меня, забрать отсюда. Я благородная русская девица, которую обманом привезли из Самарканда и держат в неволе. С тех пор мне свет не мил. Слава Богу, эмир пока не обращает на меня внимания. Но его старшая жена проходить не даёт. Прошу Вас, сударь, помогите! Ольга К.».

Ян скомкал записку и спрятал в карман. «Как же поступить? – думал он. – С одной стороны, я связан перед эмиром обязательством об охране, в том числе его домочадцев. С другой стороны, долг любого христианина – помогать единоверцу, попавшему в беду. Надо каким-то образом всё проверить. Может статься, что это и вовсе ловушка, устроенная коварным эмиром». Думать так Яна заставляла переменная в отношении к себе со стороны Музаффара: он стал холоден; при встрече не задерживался рядом, как ранее, чтобы завязать беседу; смотрел куда-то сквозь него. Впрочем, Ян не нуждался в расположении своего, по сути, поднадзорного: главное, чтобы исправно платил жалованье и был на виду. За полгода эмир никуда не выезжал. Правда, ему нанесли визиты послы из Турции и Персии, зазывали в гости, но наместник пресёк всякие сношения с ними. Заявил, что вопросы взаимных отношений следует решать через российских послов в своих странах.

– Они способны ответить на любые вопросы относительно Бухарского протектората! – такова была жёсткая рекомендация.

Весной текущего года, вследствие Балканского кризиса,

совершенно испортились отношения России и Османской империи. Жестокость, с которой было подавлено восстание в Болгарии, вызвала сочувствие к положению христиан Османской империи в Европе и особенно в России. Попытки мирными средствами улучшить их положение были сорваны упорным нежеланием турок идти на уступки Европе, и в апреле 1877 года Россия объявила Турции войну.

В тот же день, едва узнав об этом, Мацкевич примчался к наместнику царя и потребовал направить его в действующую русскую армию:

– Я не могу отсиживаться здесь, среди напыщенных дворцовых извращенцев.

– У вас, сударь, «здесь» другая задача, – сказал наместник. – Извольте выйти вон и больше с этим вопросом не подходите. Я только что получил депешу из Санкт-Петербурга об усилении контроля над эмиром. Его Высочество пытается проявить самостоятельность. Пишут, было перехвачено его письмо османскому султану.

Пришлось Яну уйти не солоно хлебавши. Но не прошло и месяца после того разговора, как случилось событие, в корне изменившее его судьбу. К этому времени он успел с помощью записок наладить регулярное общение с Ольгой-наложницей. Делали они это следующим образом: девушка теперь не бросала записки на землю, а спускала на тонкой шёлковой нитке. Мацкевич забирал послание и привязывал своё, заранее написанное. Или же крепил нить к решётке нижне-

го этажа. Когда была необходимость что-либо сообщить, он несколько раз дёргал за ниточку, и девушка отвечала. Их секретному общению благоприятствовало то, что окно комнаты затворницы выходило в ту сторону сада, на которой мало кто бывал, кроме него.

Однажды Яну представился случай лицезреть гарем эмира, хотя это запрещалось категорически. В тот день он, как обычно, делал обход охранников, расставленных вокруг дворца. Было дано указание усиленно охранять территорию сада. Ожидалось, что эмир, пользуясь тёплой весенней погодой, соизволит сегодня услаждать слух хорошей музыкой и ласкать взор красивыми танцами. На дворе стояла весна, в саду всюду цвела алыча, создавая особо радостное настроение.

Согласно правилам, принятым после прибытия русских в Бухару, личный охранник эмира должен был сопровождать его во всех выходах из дворца. Поэтому подпоручик Мацкевич находился в составе свиты повелителя. Выйдя в сад, Музаффар разместился на заранее подготовленном ложе, устроенном на возвышении; его жёны заняли места по одну сторону от супруга, наложницы – по другую, чуть ниже. Фигуры всех женщин скрывала паранджа без чачвана¹². Однако среди наложниц одна из девушек всё же выделялась высоким

---

¹² Чачван – прямоугольная густая сетка из конского волоса, закрывающая лицо женщины. Чачван надевали, лишь выйдя к воротам, на самом пороге. Основой этой привычки являлось суеверное отношение к чёрному цвету чачвана, который считался способным накликал несчастья.

ростом. Ян предположил, что это Ольга, с которой он вёл переписку. По повороту головы и пристальному взгляду голубых глаз через прорезь паранджи Мацкевич догадался, что и она его узнала. Впрочем, это не составляло для неё труда, ведь Ольга видела Яна раньше из окна своей комнаты. Подпоручик еле заметно кивнул. В ответ Ольга просунула длинную косу в ложный рукав паранджи и стала теребить русые пряди кончика пальцами. Похоже, это был её своеобразный протест – по шариату женщинам запрещалось демонстрировать волосы чужим.

В саду в это время играла восточная мелодия в исполнении дворцовых музыкантов. Солист, выдвинувшись вперёд, тенором выводил рулады, аккомпанируя себе на дуторе¹³. Закончив пение, дуторист без паузы заиграл ритмичную мелодию и, обернувшись к другим музыкантам, закивал головой в такт музыке, приглашая поддержать. Теперь вперёд выдвинулся виртуоз с дойрой в руках. Пальцами обеих рук он выбивал барабанную дробь на туго натянутой коже и в то же время встряхивал дойру таким образом, чтобы выводить мелодичный звон металлических колец, закреплённых на инструменте. Он исполнял усул – ритмический аккомпанемент к танцу. В его руках дойра словно ожила. Пальцы музыканта извлекали из инструмента то нежные звуки, напоминающие шелест ветра, то громкую, как весенний гром, ритмичную

---

¹³ Дутор – традиционный двухструнный щипковый инструмент народов Центральной и Средней Азии.

дробь.

Одна из наложниц выпорхнула на середину импровизированного танцевального круга и, высоко подняв вращающиеся ладони, закружила так, что даже эмир стал покачивать бёдрами в такт музыке. Видя, что их повелитель в настроении, свита, жёны и наложницы эмира захлопали в ладоши, подбадривая танцовщицу. Так продолжалось довольно продолжительное время – музыканты исполняли мелодию за мелодией, песню за песней, одну танцовщицу сменяла другая, третья, четвёртая... Все были вовлечены в общее веселье. Все, кроме Ольги и Яна...

С этого дня Мацкевич твёрдо решил помочь соотечественнице сбежать из дворца эмира. Случай, который поспособствовал осуществлению плана, представился, после того как Мацкевич спас от расправы толстяка-кастрата, приглядывающего за гаремом. Услышав однажды крики о помощи, доносящиеся из дальней комнаты дворца, Ян устремился туда и увидел занесённую над бедолагой руку с кривой саблей. Подпоручик не задумываясь с ходу выхватил своё оружие и сильным ударом отбил саблю нукера. Тот на мгновение опешил, но тут же с яростью бросился на чужака. Однако он не учёл уровень фехтовальной подготовки противника, поэтому Ян после пары отбитых ударов закрутил руку с саблей особым приёмом и выбил оружие нукера. Он не стал убивать или ранить побеждённого, опасаясь гнева эмира, – ограничился тем, что поддел кончиком своей сабли с пола его ору-

жие и, поймав на лету, протянул стражнику.

– Возьми! – сказал гневно. – Последнее дело для нукера убивать безоружного. Иди отсюда и доложи командиру о случившемся.

Тот молча удалился, лишь обратив мутные расширенные зрачки в сторону кастрата, который тотчас бросился к ногам Мацкевича и стал целовать его сапог.

– О, господин офицер! Благодарю вас! Вы спасли жизнь несчастного Ахуна. Я ваш раб навеки!

Ян с отвращением оттолкнул толстяка:

– Ты не мой раб, а раб эмира! Перестань унижаться! Лучше скажи, что здесь произошло.

Кастрат отполз на пару шагов и, встав на колени, проговорил:

– Этот Файзрахман-нукер давно меня невзлюбил. Как-то раз я его, обкуренного гашишем, не пустил к наложницам эмира. Хотя даже не доложил об этом кому следует. Лишиться бы ему головы в таком случае.

– И что он хотел от тебя на этот раз?

– Мы с ним столкнулись в коридоре дворца. Файзрахман должен был сегодня охранять вход в покои повелителя, а вместо этого опять курил гашиш в углу. Увидев меня, он, как в прошлый раз, набросился на меня с кулаками, затолкал в эту комнату и стал избивать. Но, хвала Севеышнему, в это время появились вы и спасли меня.

– Как, говоришь, тебя зовут?

– Ахун.

– Ахун, иди по своим делам. И не бойся – он больше тебя не тронет!

– Спасибо, господин офицер! Ахун не забудет вашей доброты!

Расставшись с толстяком, Мацкевич пошёл искать командира нукеров-охранников. Он обнаружил его о чём-то толкующим с тем самым Файзрахманом. Гашишник, увидев русского, попятился и исчез за дверью, ведущей к выходу. Командира нукеров звали Абдурахман. Он был потомственным нукером из узбеков, а Файзрахман – его племянником. Абдурахман взял его на службу во дворец по убедительной просьбе брата, хотя знал, что тот нечист на руку и балуется гашишем. Но Файзрахман клятвенно обещал вести себя прилично и покончить с пагубным пристрастием.

Абдурахман, увидев Яна, сделал суровое лицо, но обратился почтительно:

– Я вас приветствую, Ян-усто! Мне надо с вами серьёзно поговорить!

Нукеры называли Мацкевича «усто» – «мастер» за его великолепную военную выучку – прежде всего за виртуозное фехтование на саблях. Никто не мог устоять против него, хотя у узбеков ещё со времён Тамерлана были свои традиции в этом боевом искусстве. Дело в том, что их кривые сабли больше подходили лишь для одной разновидности удара – сверху вниз. Колющий удар ими нанести было невозможно,

не говоря уже об иных приёмах фехтования. А прямая сабля Мацкевича показывала чудеса универсальности, чем он и пользовался.

– Я сам искал вас, Абдурахман-командир! Как раз по поводу вашего подчинённого, который только что отошёл. Надеюсь, он доложил о происшествии?

– Да, доложил! Он заявил, что вы неожиданно напали на него, отобрали саблю и избили...

Подпоручик рассмеялся. Он, конечно, знал о врождённом коварстве и хитрости азиатов, но до каких пределов порой доходит их откровенная подлость, не представлял.

– Вот стервец! – воскликнул Ян. – А разве он не доложил, что перед этим, накурившись гашиша, вместо охраны покоев своего повелителя, пристал к кастрату Ахуну и чуть не зарубил того?! Я лишь помог не свершиться преступлению и тем самым спас самого Файзрахмана от гнева эмира!

– Простите меня, Ян-усто! Файзрахман – мой племянник. Не губите его докладом эмиру. Я сам с ним разберусь.

– И скажите ему, чтобы больше не обижал Ахуна.

– Хорошо, Ян-усто! Вы благородный человек!

Мацкевич знал, что слова Абдурахмана ничего не стоят. С этого дня Ян приобрёл злейшего врага – Файзрахмана, пользующегося покровительством родственника, и преданного друга – в лице Ахуна.

Как-то раз, встретив внука, Мацкевич попросил его об одолжении.

– Для вас что угодно, господин офицер! – заявил кастрат тонким голосом.

– Расскажи мне, Ахун, что за русская девушка в гареме эмира?

Ахун опасливо оглянулся по сторонам и сказал:

– Господин офицер, об этом нельзя говорить! Не вводите в грех Ахуна!

– Ну что же ты, Ахун?! Она же моя несчастная соотечественница. Мне её так же жалко, как тебя. И так же, как тебе помог в трудную минуту, хочу ей помочь. Понимаешь?!

Ахун немного помолчал, обдумывая предложение, наконец природная доброта и приобретённая мягкость победили сомнения.

– Её привезли люди Абдурахмана из Самарканда. Он иногда выезжает в другие города, чтобы подобрать девушку для эмира. Хотя эмир не очень расположен к девушкам – он больше предпочитает юношей, но положение повелителя обязывает иметь гарем. Девушку выкрали, когда она гуляла по самаркандскому базару без сопровождения мужчины.

– И она ещё не посещала покои эмира?

– Нет.

– А почему её невлюбила старшая жена повелителя?

– А кого она любит? – рассмеялся Ахун. – Она ко всем придирается. Откуда вы об этом знаете?

– Знаю... Ты лучше скажи, как можно её вывести из дворца?

Ахун по-женски всплеснул руками и испуганно отшатнулся:

– Астагфируллах¹⁴! Вы хотите меня отправить на Регистан, чтобы лишить жизни, господин офицер?! Об этом даже думать забудьте.

– А ты сделай так, чтобы никто на тебя не подумал, Ахун.

– Как это? Ведь ключи от входа в покои наложниц находятся у меня!

– Я видел, что в сад выходит окно, которое открывается иногда.

– Да, мы открываем окна, чтобы впустить свежий воздух перед сном...

– Вот и сделай как-нибудь, чтобы забыли закрыть одно окно.

– Бывает и такое иногда... – сказал Ахун, задумавшись. – Но там же высоко.

– За это не волнуйся. Я знаю, что Ольга – девушка крепкая, оренбургская казачка. С детства верхом ездила, как мужчина. Свяжет простыни и спустится по ним. Но главное не в этом.

– А в чём же?

– Надо ей в комнату доставить мужскую одежду, которую я тебе передам. Передашь ей, а сам на эту ночь отпросись проведать родственников. Я же знаю, что твои родители жи-

---

¹⁴ Да простит меня Аллах (араб.), дословно «Испрашиваю прощения у Аллаха».

вут в Бухаре. Верно?

– Да, господин офицер, вы всё знаете. Мой отец был беден настолько, что продал меня во дворец, когда я был совсем юным мальчиком. Меня оскостили и определили служить в покоях наложниц эмира. Я начинал ещё при эмире-мяснике – отце нынешнего повелителя. Теперь мои отец и мать живут хорошо – я им помогаю регулярно из жалования.

– Ну вот и договорились, Ахун. Если ты это сделаешь, то можешь считать, что свободен от обязательств, данных себе в отношении меня. Я тебе скажу, в какой день лучше это сделать.

На следующий день Мацкевич сходил в дом наместника царя и узнал про планы русских купцов. Их караван должен был отправиться обратно через четыре дня. С купцами договорился просто: заплатил караванщику положенную сумму, а сопровождающих их казаков попросил по-братски помочь соотечественнице. Те с удовольствием обещали поучаствовать в аванюре подпоручика.

Наступила ночь перед отправкой каравана на родину, причём безлунная – на счастье четырёх всадников в казачьей форме, подъехавших ко дворцу эмира со стороны сада. Точнее, всадников было трое. Одна из осёдланных лошадей ещё только дожидалась своего верхового. Через некоторое время за высоким забором появилась голова в казачьей папахе. Тогда один из всадников встал на спину своего коня и медленно

направил его в сторону каменного забора. Приблизившись, он помог неизвестному перебраться через преграду, затем ловко опустился вместе с ним в седло – четвертый казачок оказался лёгким как пушинка. При пристальном рассмотрении можно было понять, что он не казачок вовсе, а казачка, да ещё и молодая, судя по той ловкости, с которой она перебралась на свободную лошадь. После этого четвёрка, не мешкая пустив коней вскачь, исчезла в темноте. Никому до них не было дела, кроме лающих вслед собак.

Ян постоял ещё немного, вслушиваясь в отдаляющийся топот копыт. Вот звуки стихли совсем, и подпоручик с довольным видом направился в сторону дворца. Ему предстояло проверить, как несут службу охранники. Но не успел он ступить и шагу по садовой дорожке, как был схвачен за руки с обеих сторон и обезоружен. Затем ему посветили в лицо масляным фонарём.

– Он! – сказал утвердительно знакомый голос. – Ян-усто! Ведите его.

Это были последние слова, которые он услышал в ту ночь. Ему немедля напялили мешок на голову и потащили вон. Утром он уже очнулся во дворцовом зиндане.

Глава 3

1877 год. Бухарский эмират. Поездка в княжество Сват

Ян находился в глубокой яме высотой в три и шириной в две сажени. Его лицо, разбитое вчерашними тумаками ну-керов, освещалось лучами солнца, проникающими сквозь решётку, которая закрывала зиндан. Мацкевич со стоном повернулся на спину, затем, преодолевая слабость, сел и стал медленно ощупывать себя. Кажется, кроме нескольких ребер, ничего не сломано. Он даже не помнил, как его спустили в яму. Судя по самочувствию, особо не церемонились – просто сбросили. Возможно, боль в рёбрах и есть результат падения. Если так, то легко отделался. Но отделался ли?! Какая его ждёт судьба? Отведут на Регистан и «секир башка» или прямо здесь зарежут? Да, вряд ли будут водить на площадь, им теперь ссориться с русским царём ни к чему – делают всё по-тихому.

– Эй, урус! – послышалось сверху. – Ты там живой?

– Живой... – ответил слабым голосом Мацкевич.

– На, держи! А то подохнешь раньше времени! Ха-ха-ха...

К ногам Яна упала половина лепёшки. Она была ещё тёплой, наверное, только из тандыра. Через минуту на верёвке спустили кувшин. Мацкевич припал губами к носику и стал жадно глотать воду. Потом догадался отвязать верёвку, что-

бы не вытянули обратно. С них станет...

Потянулись долгие мучительные дни и ночи на дне ямы. Земляной пол, пропахший мочой и экскрементами, несколько не способствовал раздумьям. Так же, как и в первый день, каждое утро ему бросали половину лепёшки и спускали на верёвке кувшин с водой. Несмотря на ужасающие условия, Ян чувствовал себя с каждым днём лучше. Молодой, крепкий и тренированный организм с лёгкостью справлялся с трудностями. Рёбра срастались. Однажды ему спустили на верёвке кетмен и ведро.

– Урус! Чистить будем яму! Копай!

Ян с удовольствием принял за физический труд: глядишь, и в яме дышать станет легче. С помощью кетмена он снимал верхний слой грунта, складывал в ведро и отправлял наверх, а оттуда вместо наполненного опускали пустое ведро. Так, за пару часов работы Мацкевич вычистил всю площадку. Когда он, отправив инструменты надсмотрщику, приготовился отдохнуть, к его ногам снова упал конец верёвки. На этот раз это был аркан, свитый из нескольких бечёвок.

– Урус! Привязывайся! Будем тебя поднимать...

Теперь Ян узнал голос – он принадлежал Файзрахману, племяннику командира охранников эмира. Как только Мацкевича подняли наверх, его подхватили два нукера, скрутили руки назад и крепко связали. Затем затолкали в стоящую рядом крытую арбу и, грохоча колёсами по мостовой, долго везли по улицам города. Через какое-то время повозка оста-

новилась в одном из дворов, обнесённом высоким дувалом¹⁵. Яна стащили с арбы и завели в просторную комнату большого дома.

– Раздевайся, урус!

– Как я разденусь, если у меня руки связаны?

Подошёл один из молодчиков и, срезав кривым ножом верёвки, отскочил в сторону. Помимо двух нукеров и Файзрахмана в комнате находился ещё один человек – по всей видимости, хозяин дома – пожилой, но крепкий узбек с чалмой на голове.

– Раздевайся! – снова приказным тоном сказал Файзрахман. – Всё снимай! Сапоги тоже!

Мацкевич стащил сапог и, неожиданно изловчившись, кинул его в лицо рядом стоящего нукера, затем подсёк ударом ноги и свалил на пол. Овладев его ножом, развернулся в сторону невольных зрителей, на мгновение опешивших. Они быстро очухались и стали лихорадочно хвататься за клинки, лежавшее в ножнах. Но Мацкевич был быстр, как разъярённый барс. Два молниеносных движения трофейным оружием – и два нукера, успевшие лишь наполовину вытянуть сабли, скрючившись, схватились за раненые плечи. И вот уже нож приставлен к горлу Файзрахмана. Тот, побелев, прижался к стене.

– Не убивайте меня, Ян-усто!

---

¹⁵ Дувал – глинобитная стена в Средней Азии, отделяющая внутренний двор жилища от улицы.

– Ах, теперь я усто?! Теперь не урус?! Говори быстро, если жизнь дорога, куда меня привезли и что собирались делать?

– Привезли тебя ко мне, урус, – послышался сзади спокойный и твёрдый мужской голос. – Не оборачивайся и опусти нож, иначе я разнесу твою голову!

Ян ощутил затылком прикосновение холодного металла. «Мультук!» – понял Мацкевич по запаху тлеющего фитиля. Он уронил нож под ноги и тут же получил удар по голове прикладом оружия. Теряя сознание, успел подумать: «Снова отвлёкся, как тогда в бою...»

– А собираемся мы продать тебя в рабство, урус! – закончил ответ мужчина уже потерявшему сознание русскому.

Человек, держащий в руке мультук, был тот самый пожилой чалмоносец. Он повелительно взмахнул рукой, и нукеры бросились раздевать Мацкевича. В два счёта стянули оставшийся сапог, освободили от одежды, сорвали нательный крест, затем стали снова одевать Яна, но теперь уже в другое облачение. Вскоре на полу лежал босой, мало отличимый от местных жителей восточный человек. Лишь цвет кожи выдавал в нём чужестранца.

Через некоторое время Ян очнулся и обнаружил себя одиноко лежащим посреди большой пустой комнаты с зарешёченными окнами. Опять косо падали солнечные лучи, как тогда в яме, – солнце явно хотело поддержать человека своим теплом. У Мацкевича страшно гудела голова и болели повреждённые рёбра. Он подвигал во рту непослушным язы-

ком, пытаясь вызвать слюноотделение, – горло было сухое, словно посыпанное горячим песком.

– Воды! – просипел он. – Э-эй! Кто тут есть? Э-эй...

Его слабый возглас остался без ответа. Силы покинули подпоручика, и он снова впал в забытие. В полусне, в полубреду ему приходили виденья, будто они с Ольгой в Оренбурге едут на санях, запряжённых в тройку белых коней с бубенцами. Девушка смеётся, радостная и счастливая. Говорит ему:

– Спасибо, сударь, что вызволили меня из плена басурман. Папенька доволен, обещал вам сапоги подарить. А то вы всё босиком да босиком... Мёрзнут же ноги!

Опять смеётся во весь голос. И правда, Ян смотрит на свои голые ноги, слегка припорошенные снегом. Сам в тулупе, а ноги без сапог. Они и впрямь мёрзнут. «А где ж я сапоги потерял?!» – думает подпоручик. Хочет лапами тулупа прикрыть, но не достает.

– Но-о! Урусы проклятые! – кричит кучер по-узбекски.

«Странно, почему кучер узбек?» – опять удивляется Мацкевич. Кучер машет плёткой, подгоняя лошадей, и попадает по ногам подпоручика обжигающим ударом. Мацкевич вздрагивает от боли и... просыпается. Лежит и, не открывая глаз, прислушивается к ощущениям: всё так же болят голова и рёбра, теперь присоединилась боль в стопах. Новый обжигающий удар по пяткам.

– Просыпайся! Очнись, проклятый урус!

Мацкевич открывает глаза и видит ненавистную бородастую рожу Файзрахмана. Тот сверлит подпоручика расширенными зрачками, склонившись над головой. От него пахнет гашишем и бараниной.

– Воды! – просит Ян, еле ворочая пересохшим языком.

– Сейчас угощу тебя водой, урус! – кривляясь, говорит Файзрахман и замахивается плёткой, чтобы снова ударить. Но хлопок в ладоши, громко прозвучавший в пустой комнате, останавливает замах на полпути.

– Дайте ему воды! – звучит знакомый властный голос.

В дверях тут же появляется нукер с кувшином. Он сам наливает в пиалу воду и подносит к губам Мацкевича. Ян осушает посуду в несколько глотков. Живительная влага разносится по телу, принося облегчение.

– Поставьте его на ноги!

Нукеры рывком поднимают подпоручика с пола. У Яна слегка кружится голова, но он достаточно крепко стоит на ногах.

– Ты можешь идти? – спросил пожилой узбек в чалме.

Мацкевич посмотрел на свои босые ноги, подвигал пальцами и отрицательно покачал головой. Пожилой узбек понятно хмыкнул. Затем хлопнул в ладоши пару раз, и снова, как по мановению волшебного жезла, из дверей появился человек, неся в руках махси – невысокие кожаные носки, считай сапоги без каблука.

– Надевай!

Человек, принесший обувь, знал своё дело – махси оказались впору, хотя и ношеные.

– По дому можешь ходить в них, – сказал узбек в чалме. – Для улицы подберут туфли-кавуш. Предупреждаю, урус, не пытайся сбежать и не причиняй вреда моим людям! Иначе подрежут твои пятки и затолкают туда конский волос. Надеюсь, ты знаешь, что это такое?!

Мацкевич понятиливо кивнул. Он знал об этом изошрённом методе азиатов. Рабов или пленных, склонных к побегу, ловили, делали острым ножом несколько надрезов на пятках. Туда заталкивали рубленый конский волос. Когда рана зарастала, волосы причиняли боль несчастному при ходьбе. Он мог передвигаться только на коленях или враскоряку, наступая лишь на внешние края ступней.

– Поживёшь тут малость, пока всё не успокоится, – продолжил пожилой узбек. – Как перестанут тебя искать русские, тогда и решим, что делать.

Подпоручика отвели в другую комнату, поменьше размером и с одним зарешечённым окном. Из него открывался вид на двор, а за высоким дувалом были видны только крыши близлежащих домов. По двору сновали люди, выполняя разнообразные поручения. Вот прошли к воротам нукеры эмира. Ян заметил, что Файзрахман задержался и принял из рук узбека в чалме мешочек с монетами. Судя по всему, суровый аксакал окончательно стал полновластным хозяином Мацкевича.

...Звали узбека Маджид. Он был одним из сановников эмирата. Поговаривали, что Маджид, несмотря на кажущийся аскетизм в повседневной жизни, был одним из богатейших людей страны. Под его началом находились вопросы торговли, налогов и таможни. Он контролировал несметные товарные потоки, не брезговал и участием в торговле живым товаром. Маджида в день ареста Мацкевича соизволил вызвать к себе сам эмир.

– Маджид, – сказал он, перебирая в руках чётки, – твоему эмиру нанесено оскорбление. Надо придумать, что делать с этим русским.

– Как прикажете, мой повелитель! – ответил Маджид, прижав руку к сердцу и склонив голову. – Если пожелаете, мы его кинем на съедение волкам или сбросим с самого высокого минарета. Или вы хотите, чтобы ему перерезали горло на Регистане?!

– Нет, Маджид! Если бы мне была нужна его смерть, я позвал бы не тебя. Твой эмир желает, чтобы он мучился долгие годы, вспоминая совершённую ошибку. Твой эмир желает, чтобы ты его продал в рабство. И подальше отсюда, где нет влияния русских.

– Слушаюсь, повелитель!

Нельзя сказать, чтобы Мацкевича не искали на территории Туркестанского генерал-губернаторства. Наместник метал громы и молнии от бешенства:

– Как это так? Пропадает подданный Государя Императо-

ра, а вы даже ухом не повели? Найти немедленно и представить пред мои очи! Если он запил, я с него три шкуры спущу, не посмотрю, что благородных кровей. Позорите меня перед Его Высочеством Эмиром. Сегодня он целый час сокрушался по поводу исчезновения инструктора его нукеров.

– Ваше превосходительство, а может, его сам эмир того?!

– Что? Даже думать не смейте! Ищите лучше! Поспрашивайте, кто и где его в последний раз видел!

– Спрашивали уже... Говорят, что к купцам приходил нашим, шептался о чём-то. Может, с ними уехал?!

– Пошлите гонца в Самарканд! Пусть узнают, был среди них офицер или нет. Может, на самом деле ослушался меня. Приходил он ко мне, просился в действующую армию.

– Слушаюсь, Ваше превосходительство!

Тем временем подпоручик коротал дни и бессонные ночи в доме сановника Маджида, ожидая своей участи. Кормили его два раза в день, на прогулку выводили только тёмной ночью со связанными руками и стреноженными ногами, чтобы он мог передвигаться только мелкими шажками.

Время от времени к нему в комнату заходил сам Маджид и пытался вести светские беседы. Ян, конечно, понимал истинную причину этих разговоров. Маджид силился понять, на что способен этот русский и сколько он сможет выручить за него.

– Ты, урус, не обижайся, что так случилось с тобой, и смирись, – говорил Маджид назидательно. – Ты же сам виноват,

что покусился на святая святых эмира – на его гарем. Это харам. Значит, ты должен быть наказан.

– Я лишь помог своей соотечественнице избежать позора.

– Благородное чувство – понимаю. Но это спорно. Девушка жила в покоях эмира как царица. Тем более, зная повадки нашего эмира, да продлит его дни Аллах, никто не покушался на её честь. Глядишь, через какое-то время эмир выдал бы её замуж за одного из сановников. И жила бы она как у бога за пазухой. Так, кажется, говорят русские?!

– Лучше на своей стороне за любимого, чем здесь «у бога за пазухой». Я не жалею, что помог ей сбежать. А что касается своей участи, так...

– Благодарю своего бога, – перебил его Маджид, – что не сбросили с минарета, а оставили тебе жизнь.

– И куда вы меня собираетесь отправить?

– В ближайшие дни приедет покупатель. Скоро сам узнаешь, какая тебе уготована судьба.

Между тем судьба уготовила Яну прожить в этой комнате ещё неделю. За эти дни он так оброс бородой, что сослуживцы вряд ли смогли узнать его при встрече. Тем более в восточной одежде.

Наконец в доме Маджида возникла большая суета: резали баранов, кипятили воду в большом казане, украшали комнаты и коридоры; на вычищенный, вымытый двор вынесли и постелили множество ковров – готовились встречать большого гостя.

По отдельным словам, раздающимся во дворе, Яну стало понятно, что в эмират приехал посланник ахунда¹⁶ далёкого княжества. После встречи посланника с эмиром Маджид планировал устроить гостя в своём доме. По большому счёту именно он организовал приезд важной персоны – посла правителя княжества Сват, ахунда Абдул Гафура.

Наверное, не было такого человека в мусульманском мире, кто бы не знал этого старца – основателя и главу почти всех тайных обществ, заслуживших упоминания среди мусульман, и духовного вождя всех остальных правоверных. Его показная непримиримость к ваххабитам являлась лишь маской, и рука убийцы, казнившая лорда Майо, безусловно, ловко направлялась Абдул Гафуром.

Февральским днём 1872 года лорд Майо, вице-король Британской Индии, прибыл на Андаманские острова в Бенгальском заливе для инспекции тюремных колоний. Уже наступали сумерки, когда он, прежде чем покинуть четвёртый остров, решил взобраться на холм, чтобы окинуть взглядом окрестности. С этого момента его свиту стал тайно преследовать индус, вооружённый ножом.

Ему представился удобный случай во время прогулки

---

¹⁶ Ахунд – звание мусульманского учёного высшего разряда, аналог арабского кади. До 1788 г. ахунды являлись главами духовенства даруг (областей) и городских общин и именно через них царские власти взаимодействовали с имамами. До середины XIX в. княжество Сват (на территории современной северо-западной пограничной провинции Пакистана) управлялось тамошними ахундами, среди которых самым знаменитым был Абдул Гафура (1794—1877).

лорда, ожидающего лодку, вдоль пристани. Убийца неожиданно для Майо прыгнул на его спину и дважды вонзил длинный нож под лопатку. Несчастный лорд умер практически мгновенно. Убийца по имени Шерали был тут же схвачен и подвергнут избиению солдатами. Но его фанатичные глаза при этом горели от радости, а на губах блуждала улыбка. Позже, когда спросили о причинах убийства, он ответил: «По велению Аллаха».

Дервиши, члены ордена Бекташи¹⁷, все завывающие пляшущие нищие и прочие странствующие суфии признавали власть ахунда превыше власти шейх-уль-ислама¹⁸ над правоверными. Вряд ли османы или персы, какими бы еретиками они ни были, осмелились бы когда-нибудь издать хоть один указ без одобрения Абдул Гафура. Фанатичный и хитрый, он, вместо того чтобы давать жёсткие указания истреблять ваххабитов, посылал свои проклятья и указывал пальцем только на тех из них, кто стоял на его пути. С другими же он поддерживал, хотя и втайне, дружеские отношения.

– ...Эй, урус! Ты что, уснул?!

Мерное покачивание на спине верблюда и весенние лучи солнца вкупе с монотонным рассказом попутчика действительно способствовали дремоте. Хотя приближённого Аб-

---

¹⁷ Бекташи – суфийский орден, основанный Хаджи Бекташи Вели в XII в. в Малой Азии, верования и обряды которого сочетают элементы шиизма и христианства.

¹⁸ Шейх-уль-ислам – титул высшего должностного лица по вопросам ислама в ряде исламских государств.

дул Гафура трудно было назвать просто попутчиком, потому что в сложившейся ситуации потомственный польский дворянин, подпоручик Русской Императорской армии, офицер Генерального штаба, был рабом.

– Нет, нет, уважаемый Сейф аль-Малюк. Я вас внимательно слушаю. Очень увлекательный рассказ про моего будущего хозяина.

Сейф аль-Малюк действительно захватывающе откровенно рассказывал Яну про ахунда Абдул Гафура, потому что видел: во-первых, русский – человек образованный, то есть хороший собеседник, во-вторых, полноценный раб. Но раб не простой, который будет хлопотать по дому или гнуть спину в каменоломне, а специально заказанный своевольным ахундом в качестве воспитателя младшего сына. Абдул Гафур чувствовал, что дни его сочтены, и желал, чтобы воспитанием наследника занялся европеец. Русский офицер как нельзя лучше отвечал его требованиям: знал воинское искусство, был высокообразован и, главное, умел разговаривать на разных языках, в том числе на языке извечных врагов ахунда – англичан. В отношении сына Абдул Гафур имел далеко идущие планы, выходящие за пределы княжества.

Таким образом, можно было предполагать, что Ян Мацкевич был самым драгоценным «грузом» верблюжьего каравана, снаряжённого для Абдул Гафура множеством бухарских даров. У проданного в рабство офицера появилась возможность обдумать это открытие во время короткой остановки,

пока правоверные спутники совершали намаз. После чего караван покинул пределы Бухарского эмирата и взял путь в далёкое горное княжество Сват, находящееся в Британской Индии.

Глава 4

Поздняя весна 1877 года. Княжество Сват

Всю свою долгую жизнь, следуя взглядам Макиавелли¹⁹, Абдул Гафур успешно распространял влияние равно на друзей и врагов. Ахунд, почитаемый как новый пророк миллионами правоверных мусульман и даже инакомыслящими, для виду поддерживал дружеские отношения с британцами, втайне всё же проклиная их.

Тем не менее у старца имелся один недруг, которого никакие ухищрения и изворотливость не могли переманить на свою сторону, а потому он его весьма остерегался. Этим недругом были сикхи²⁰ – некогда полновластные могуще-

---

¹⁹ Никколо Макиавелли (1469—1527) – итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель, автор военно-теоретических трудов. Четыре главных принципа Макиавелли: 1) авторитет, или власть лидера, коренится в поддержке сторонников; 2) подчинённые должны знать, что они могут ожидать от своего лидера, и понимать, что он ожидает от них; 3) лидер должен обладать волей к выживанию; 4) лидер – всегда образец мудрости и справедливости для сторонников.

²⁰ Сикхи – самостоятельная этноконфессиональная группа со своей идеологией, законами и вождями. В борьбе против империи Великих Моголов и замкнутых кастовых систем они проповедовали равенство людей. Сикхизм – одна из национальных религий Индии. Ее название происходит от санскритского слова «шишья» (ученик). Сикхизм могут принять любые люди, независимо от национальности, пола и происхождения. Каждый сикх проходит ритуальное посвятельное омовение (амрит). Принявшие амрит обязаны хранить при себе

ственные хозяева долины Пешавар и правители Пенджаба. Они с самого начала встали на пути Абдул Гафура к беспредельной власти. Не успевал ахунд насладиться очередной победой, как между ним и целью оказывался этот ненавистный враг. Суть противостояния заключалась вовсе не в англичанах, как могло показаться на первый взгляд. Да, сикхи – этот воинственный народ, некогда низвергнутый с самого высокого положения, – теперь были в подчинении махараджи из Патиалы²¹. А сам махараджа являлся лишь безвольным вассалом британцев. Но не сердечная преданность или политические убеждения склоняли сикхов к верности англичанам, а лишь лютая вражда к мусульманам, которым благоволил Абдул Гафур.

– ...Учитель, вам не холодно? Пойдёмте в дом – ночи ещё холодные.

Слова приближённого вывели старика из раздумий, но он не удосужился отвечать, а властно отмахнулся еле заметным движением ладони. Слуга не стал испытывать терпение ахунда и поспешил удалиться. Но, услышав скрипучий голос старца, быстро вернулся.

– Абу Али, что там у тебя в руках?

– Одеяло, учитель.

пять предметов (правило пяти «К»): 1) кеш – нетронутые волосы, спрятанные под обязательную чалму; 2) кангха – гребень, поддерживающий волосы; 3) кара – стальной браслет; 4) качх – короткие штаны особого покроя; 5) кирпан – меч или кинжал, спрятанный под одеждой.

²¹ Патиала – главный город в Пенджабе.

– Укрой!

Слуга накрыл худые плечи Абдул Гафура тёплым одеялом из верблюжьей шерсти и в ожидании приказа застыл как изваяние. Властный отметающий взмах ладони старца вновь заставил приближённого удалиться. При этом ахунд знал, что тот не оставит его здесь одного – внимательные глаза следили за каждым движением учителя. Только Абу Али знал его привычку уходить из дома к этому скалистому гроту, чтобы предаваться размышлениям после ночного намаза. В одиночестве ему думалось хорошо, особенно ночью, – сон всё равно не шёл в старческую голову. Ниша грота укрывала его тщедушное тело от прохладного ветра, а занимаемая высота позволяла вообразить себя восседающим на мировом троне. Стоило только поднять голову и посмотреть в бездонное ночное небо, усыпанное разноцветными звёздами, как наступало некое блаженное оцепенение. Кажется, само мироздание вводило в необъяснимый транс, пытались сказать что-то важное, напомнить о единстве всего сущего. А ещё старик заметил, что когда прищуриваешь глаза, то от звёзд протягиваются тонкие мерцающие лучики-нити, словно приглашая в путешествие по Вселенной. Впечатление было созвучно частым раздумьям ахунда последних месяцев об уходе мир иной.

Абдул Гафур не сожалел о сети, сплетённой своим изощрённым умом, опутавшей все уголки мусульманского мира, что позволяло ему управлять процессами за многие тысячи

фарсангов отсюда. Ведь власть – вещь эфемерная, даже единоличная, – сегодня есть, а завтра ровным счётом ничего. Это обстоятельство заставляло старика озаботиться судьбой любимого младшего сына. Ему не место в княжестве. Как только Абдул Гафура не станет, он должен покинуть Сват. Наилучшим местом для переезда будет Европа. А как это обустроить, он подумает после возвращения Сейф аль-Малюка из Бухары.

Между тем как раз в это самое время караван под предводительством его доверенного лица подвергся нападению. Всё произошло, когда караванчики и слуги, утомлённые долгой дорогой, расположились на ночлег у входа в долину Сват – в трёх днях пути до дома. Им в голову не приходило, что кто-то из проживающих в подлунном мире посмеет уронить хотя бы даже волосок с людей ахунда. Люди Абдул Гафура были неприкосновенны, но только не для заклятых врагов старика. Сикхский отряд поджидал караван в облюбованном для ночлега месте, но не стал нападать сразу, а дождался темноты. То, что караванчик остановится именно здесь, было ясно любому путнику. У подножья горы, покрытой зелёной сочной травой, раскинулось прозрачное озеро, словно приглашая путешественников к отдыху. И место для засады тоже являлось отменным – чуть дальше, за крутой скалой, можно было спрятать хоть сотню всадников.

Тихо задушив часовых, сикхи переходили от одной палатки к другой и быстрым наскоком вырезали ничего не по-

дозревающих людей Сейф аль-Малюка. На счастье самого предводителя, русский подпоручик не спал – он-то и спас его от верной смерти. Мацкевич, услышав подозрительные шорохи и приглушённые стоны несчастных, подвергшихся нападению, приподнялся из-за верблюда, рядом с которым устроился на ночь, и увидел множество смутных силуэтов, быстро передвигающихся по лагерю. На раздумья не оставалось времени, он вскочил на ноги и, пригибаясь, побежал в сторону палатки Сейф аль-Малюка. Быстро растормошив, шепнул одно лишь слово:

– Нападение на караван!

Затем выскочил наружу и на мгновение остановился, чтобы попытаться понять, откуда в первую очередь исходит опасность. Нападавших было человек двадцать пять. В лунном свете то и дело мелькали их сабли и ножи. Но вот захрипели разбуженные верблюды, некоторые издали тревожные трубные звуки. Стали просыпаться люди и хвататься за оружие, чтобы оказать сопротивление. Почему не стал кричать Ян? Он сам не понял почему – скорее всего, подсознательно понимал, что нельзя, иначе привлечёт внимание к палатке предводителя.

– Что там? – спросил испуганно Сейф аль-Малюк, вышедший из-под навеса с саблями в руках.

– Человек двадцать-двадцать пять. Кажется, индийцы. Откуда они здесь?

– Сикхи! – упавшим голосом проговорил посол Абдул Га-

фура.

– Вам надо спрятаться! – сказал Мацкевич. – Я ещё днём увидел расщелину в скале. Там, за палаткой, шагах в пятидесяти. Давайте я провожу вас. И отдайте мне саблю – вы её даже поднять не можете, уважаемый.

Тут прибежали около десятка воинов из числа охраны посла и встали полукругом вокруг Сейф аль-Малюка и Мацкевича. Ян быстро объяснил, куда спрятать предводителя, а сам ринулся в гущу битвы. Он стремительно передвигался по площадке, рубя саблём направо-налево, делая выпады, подскоки, уклоны. Вот упал один противник, второй третий... Но главная цель впереди – предводитель сикхов, их командир. Только добравшись до него, можно прекратить резню. Вон он, в большой зелёной чалме, украшенной побрякушками. Стоит посреди лагеря с двумя саблями в руках. В начавшейся схватке с ним Мацкевич был, как никогда ранее, осторожен – вертел головой, замечал каждое движение, направленное в его сторону, лишь бы не допустить подлого удара в спину. Поединок подпоручика и командира сикхов был настолько захватывающим, что остальные на время прекратили драку, застыв с выставленным друг на друга оружием.

Ян отметил про себя, что сикх был хорошо сложен, крепок – от него исходила звериная сила. Он вертел своими саблями так быстро, что глаза невольных зрителей, даже при ярком лунном свете, не успевали замечать их траекторию.

Но подпоручик уже вошёл в «казачий спас»²² – в его восприятии движения противника многократно замедлились, и ему не составляло труда с помощью одной лишь сабли сначала отбивать каждый удар, уворачиваться, а затем самому переходить в атаку. Наконец он, увидев, что сикх раскрылся, ударил справа налево с оттягом по его груди. От неминуемой смерти раненого спасли стальные кольца, надетые на шею, которые свисали чуть ниже ключиц. Но всё равно ранение было достаточно серьёзным, и предводитель сикхов упал навзничь на траву. Он сделал попытку приподняться, но это ему не удалось, и тогда его сторонники многогласно закричали:

– Пракаш Сингх! Пракаш Сингх! Пракаш Сингх!

Видимо, так звали их вождя. По всему видно, воины были потрясены поражением непобедимого Пракаш Сингха, но уже через пару мгновений проворно подхватили своего предводителя, затем убитых и исчезли в темноте, будто их и не было здесь. Попытку преследовать нападавших остановил Мацкевич. Во-первых, можно в темноте нарваться на засаду и получить ещё больший урон, а во-вторых, необходимо более надёжно организовать охрану Сейф аль-Малюка.

На рассвете подсчитали потери и убытки. Особенно уби-

---

²² «Казачий спас» – это боевой транс, то есть вхождение перед сражением в особую форму измененного состояния сознания, в котором у человека полностью отключается чувство собственного самосохранения. Запорожских казаков, владевших им, называли характерниками, у кубанцев знали эту науку в совершенстве пластуны.

вался караванщик, который закупил в Бухаре хлопковое масло для перепродажи местным купцам. Почти все большие кувшины были разбиты, а масло разлито. Значительными оказались и людские потери – десять убитых воинов. Но Сейф аль-Малюк не переживал по этому поводу. В конечном счёте они просто-напросто плохо выполнили свою работу. Из-за их беспечности было совершено внезапное нападение сикхов. Понятно, что целью головорезов являлся сам посол великого ахунда. Лишь внезапное и отважное вмешательство русского решило исход дела не в пользу нападавших. Сейф аль-Малюк никогда не забудет оказанную услугу. По приезде обязательно расскажет про геройский поступок раба. Русский правильно расценил обстановку, когда остальные метались в панике. И выбрал одну-единственную цель, которая заставила отступить сикхов: только потеря вождя вынудила их отказаться от первоначального плана. Сикхи – народ воинственный. Даже будучи в меньшинстве, не отступают, предпочитая смерть позорному бегству. Они считают, что всё в этом мире происходит по воле бога. Умирая, человек не попадает в рай или ад, а растворяется во всеобъемлющей всевышней любви. Особенно почётно для этих людей умереть, защищая истину. Это мировоззрение делает сикхов идеальными воинами – бесстрашными и дисциплинированными, что было доказано во множестве войн.

Для Яна тоже не являлась секретом огромная роль войны и достойной смерти в бою в сикхизме. Если не было войн,

то раз в год в каждой общине сикхов устраивались поединки на мечах и кинжалах между молодыми и старыми мужчинами. В ходе таких схваток, вполне реальных и кровопролитных, старик мог получить желанную смерть в бою. Так почему же они отступили, когда победа была уже близка? Единственным оправданием их поступку могло служить незнание намерений вождя. Как только их предводитель получил тяжёлое ранение, некому стало вести их к цели.

– Как твоё имя, урус? – спросил наконец Сейф аль-Малюк.

– Ян Мацкевич.

– Слишком тяжело для нашего уха... Ну да ладно. Как ты сказал? Ян?!

– Да!

– С этого дня я – твой должник, Ян. Хотя рабу никто ничего не должен. Но я только временный хозяин. Ты будешь принадлежать великому ахунду Абдул Гафуру, да продлит его дни Аллах. Я уверен, тебе он понравится, Ян. Он умеет очаровывать людей, даже чужестранцев...

К вечеру третьего дня караван втянулся в городок Мингору²³. Здесь была расположена одна из резиденций ахунда, где он проводил всё время почти безвылазно. Его дом, расположенный на самой высокой точке города, был неприступной крепостью. Множество воинов охраняли дом «учителя»,

---

²³ Мингора – один из главных населённых пунктов в долине Сват, расположенный почти в километре над уровнем моря (908 метров).

не давая чужакам даже приблизиться. Хотя сам ахунд был открыт для людей. На его пятничные проповеди в местной мечети собирались множество правоверных, где он с ними обращался запросто, не кичась своим положением. За что небожителя и боготворили, считая чуть ли не новым пророком. Каждое его слово ловили и передавали из уст в уста, каждая его проповедь ложилась бальзамом на сердца верующих, каждому его движению, взмаху руки, походке, манере одеваться подражали последователи.

Абдул Гафур обладал железной волей; хотя и был самоучкой, но, благодаря общению с мудрецами из Индии, постиг бездны премудрости. Он вникнул в тайны арабской и персидской наук – алхимии и астрономии, умел делать заговоренные талисманы и амулеты, которые несли либо жизнь, либо смерть – в зависимости от того, кому предназначались. Вера в магическое влияние этих фетишей распространялась на миллионы приверженцев, которые скорее боялись их, чем поклонялись им.

Его судьба склоняла к признанию правоты восточного учения, утверждавшего, что души, хорошие или плохие, которым не хватило времени для осуществления своих планов на земле, воплощаются вновь. При этом жажда утоления страстей вовлекает их в поток земных привязанностей всё сильнее и сильнее. Соответственно, казалось, что Абдул Гафур был многовековым воплощением самого себя, настолько коварной и одиозной фигурой он являлся. Родившись

в семье бедняка, невежественный крестьянский мальчишка сумел избежать пожизненной участи пастушества и устремился к вершинам славы с использованием хитрости, стяжательства и насаждения суеверий. Прежде Абдул Гафур был воином и честолюбивым предводителем фанатиков, потом стал дервишем, затем – всемогущим ахундом: благословения и проклятия превратили его в господина эмиров, ханов, халифов и прочих мусульман.

Познакомиться с будущим наставником своего любимого сына он решил незамедлительно.

– Расскажи мне про себя, урус! – сказал ахунд трескучим голосом.

На Яна не мигая смотрела пара серо-зелёных глаз, абсолютно не сочетающихся с внешним обликом их обладателя. Это были глаза юноши – яркие, пронизательные, пытливые, завораживающие. А седобородое, испещрённое множеством морщинок лицо и костлявые, тонкие, узловатые пальцы выдавали в нём глубокого старика. Именно разительное отличие более всего потрясло Мацкевича: ясные зеленоватые глаза и сгорбленная тщедушная фигура, дрожащей старческой рукой опирающаяся на шест с серебряным набалдашником. И этот человек управляет всем мусульманским миром?! Как бы там ни было, но подпоручик Генерального штаба Русской императорской армии достиг своей цели – под видом раба, проданного бухарским эмиром.

...Накануне отправки Мацкевича из Бухары русские всё-

таки вышли на него. Интенсивные поиски после разноса, устроенного наместником царя, привели к тому, что след был найден. В конце концов, Бухара – это большой аул. И все дороги в этом «ауле» ведут в дом сановника Маджида. Немаловажную роль в поиске сыграл и кастрат Ахун. Узнав, что его невольный защитник при дворе эмира неожиданно исчез, он сильно расстроился. И не зря. Ахун был не глуп – он понимал, что это связано с побегом русской невольницы из гарема, и теперь Файзрахман будет всячески его притеснять. Действительно, любитель гашиша, встретив кастрата возле покоев эмира, со злостью прошипел:

– Ну что, Ахун, не жить тебе! Скоро я до тебя тоже доберусь!

– Чем я вас опять обидел, уважаемый Файзрахман? Я – маленький человек, но верно служу нашему эмиру.

– Не притворяйся, кастрат! Это ты помог этому кяфиру Яну умыкнуть наложницу эмира!

– Вы ошибаетесь, уважаемый Файзрахман, в тот день меня не было во дворце. Я ходил навещать своих родителей.

Нукер пристально посмотрел расширенными зрачками на Ахуна и со злорадством проговорил:

– Нет теперь твоего защитника, кастрат! Скоро и духа его не останется в Бухаре... И тебе несдобровать...

– Простите меня, уважаемый Файзрахман. А что случилось с Яном-усто?

– Что-о-о? Усто-о-о? Да он уже не усто, а раб Маджида.

А вскорости... – тут нукер запнулся, поняв, что сболтнул лишнего. – Ну ты смотри у меня! Если кому скажешь, что услышал... – пригрозил он, трянув кастрата за грудки.

– Что вы, что вы, уважаемый Файзрахман. Кому я могу сказать?

– Впрочем, это уже не важно. Его теперь русским не найти.

На следующий день Ахун снова посетил дом своих родителей. Через некоторое время из дома выбежал мальчик-прислужник с узелочком в руках. В нём, кроме горячей лепёшки из тандыра, лежал небольшой гладкий камень. На поверхности было нацарапано лишь четыре слова: «Ищите в доме с высоким дувалом». Мальчик добежал до дома русского наместника, достал лепёшку, откусил большой кусок, и не переставая жевать, забросил узелок с камнем во двор. Постоял мгновение, прислушиваясь к голосам, и снова побежал по улице, на ходу запихивая лепёшку за пазуху.

Подкупить одного из охранников не составило труда, и поздно ночью на встречу к пленнику пришёл штабс-капитан Гурьев – непосредственный начальник Мацкевича. Ян был крайне удивлён, увидев Петра Самсоновича при таких обстоятельствах, – он, признаться, уже потерял всякую надежду и готовился действовать самостоятельно. Мужчины крепко обнялись.

– Для нас это даже хорошо, что так получилось! – отметил

Гурьев, поправив на голове чалму и запахнув на груди узбекский халат. – Лучшего и желать не надобно. Наше руководство давно мечтает внедриться в самое подбрюшье Британской Индии. А уж если вы будете при самом Абдул Гафуре!.. В Европе о нём практически ничего неизвестно. Но и там, и у нас в России признают, что он имеет большое влияние на мусульманский мир.

– Какая моя задача, Пётр Самсонович?

– Вам предоставляется карт-бланш. Действуйте на своё усмотрение вплоть до ликвидации ахунда. Слишком велико его влияние на Музаффара. Нельзя допустить, чтобы эмир соскочил с нашей протекционной орбиты. Сейчас, сами понимаете, не до него – война с турками. Есть мнение, что османы вступили в войну не без одобрения Абдул Гафура, а может, даже по прямой его указке.

Скрипнули петли двери, и за ними послышался громкий шёпот:

– Азиз, сиз учун вақт келди²⁴!

– Ҳозир келаман²⁵!

– Как видите, мне пора, господин подпоручик! Вам желаю крепости духа и удачи! При необходимости уходите на Каир. Там найдёте приют по известному вам адресу и новое задание.

– Ясно, господин штабс-капитан!

---

²⁴ Уважаемый, вам пора идти! (узб.)

²⁵ Сейчас иду! (узб.).

– И ещё, Мацкевич... – Гурьев достал из-за пазухи многократно сложенную бумагу. – Думаю, это вас поддержит в трудные минуты. Возьмите!

Ян принял из рук Петра Самсоновича послание, подписанное знакомым почерком: «Вашему Благородию подпоручику Мацкевичу Я. Б.». Письмо было от Ольги.

– Благодарю!

– Прощайте!

Дверь за Гурьевым закрылась, и Мацкевич снова остался наедине со своими мыслями. Зато после посещения штабс-капитана настроение улучшилось. Теперь он по внутренним ощущениям не «урус, проданный в рабство», а офицер Генерального штаба на особом задании. А ещё согревало душу неожиданное письмо Ольги, которое, без сомнения, поддержит его в далёких скитаниях. Она сообщала, что добралась до Оренбурга благополучно и благодарила за это своего спасителя. «Значит, тот сон был в руку!» – подумал Ян. Не зря ему снилась Ольга в заснеженном Оренбурге...

– Что ты молчишь? – повторил вопрос Абдул Гафур. – Мне сказали, что ты знаешь пушту. Или ты предпочитаешь дари?

– Немного знаю, уважаемый Абдул Гафур! – ответил Мацкевич.

– Обращайся ко мне просто – учитель!

– Хорошо, учитель. Я собирался с мыслями. Не знаю, с чего начать свой рассказ.

– Начни со своих родителей. Кто твой отец? Жив ли он? Есть ли у тебя братья, сёстры? В общем, всё по порядку. Я буду слушать...

Старец слегка откинулся на высокие подушки и приготовился внимать. Ясный сосредоточенный взор немигающих глаз ахунда свидетельствовал о захватывающем интересе к рассказу собеседника. Абдул Гафур умел оценивать людей по первому впечатлению. Он уже для себя решил, что для задуманной цели этот молодой, крепкий, по-мужски весьма красивый урус подходит ему. А то, что он сможет переманить его на свою сторону, ахунд не сомневался. Дело даже не в том, что он теперь его раб, скорее наоборот – Абдул Гафур собирается дать урусу полную свободу. Даже приготовит мистический оберег, чтобы ему сопутствовала удача.

Мацкевич огладил отросшую чёрную бороду и начал рассказ:

– Родился я 1 февраля 1269 года по хиджре²⁶. Отцу моему было уже 63 года, когда я появился на свет. Поэтому я недолго наслаждался отцовской любовью. Когда мне исполнилось двенадцать лет, он покинул этот бренный мир. А материнской ласки не видел вовсе – матушка умерла при ро-

---

²⁶ Хиджра (араб., откочёвка, переселение). 24 сентября 622 г. пророк Мухаммад совершил хиджру из Мекки в оазис Ясриб (Медина). Этот день положил начало мусульманскому летоисчислению, но только после смерти Пророка. Для перевода из хиджры в милади (солнечный календарь) год по хиджре умножают на 0,97, к полученному числу прибавляют 621,6, и получается год по милади. Здесь: $1269 \times 0,97 + 621,6 = 1852$ год.

дах. Братъев и сестёр нет – отец, царство ему небесное, женился поздно. Я стал единственным и долгожданным ребёнком. Дальнейшее воспитание взял на себя мой дядя – потомственный военный в пятом поколении. Поэтому выбор моей дальнейшей судьбы был очевиден – он отдал меня в Варшавское юнкерское училище. Учился я там прилежно, старательно постигал науки, особенно давались мне иностранные языки и воинское искусство. Без хвастовства могу сказать, что стал лучшим фехтовальщиком училища.

– Да, Сейф аль-Малюк рассказал мне о твоём мастерстве. Восхитился тем, что ты в одиночку раскидал моих заклятых врагов.

– Ну что вы, учитель! Был лишь один поединок с их вождём. Кажется, его звали Пракаш Сингх.

– Это ещё больше характеризует тебя как военного стратега – принял единственно правильное решение и тем самым спас жизнь моему другу. Он хлопочет наградить тебя за это. Проси что хочешь!

– Я теперь ваш раб, учитель! – сказал Мацкевич смиренно – притворства ему было не занимать. – Всё в вашей власти!

– Хорошо, я подумаю над этим. А теперь иди, я немного утомился. Продолжишь свой рассказ завтра.

Ахунд два раза хлопнул в ладоши, и в дверях появился верный слуга Абу Али, чтобы увести Мацкевича. Он проводил Яна на нижний этаж, где ему была приготовлена комна-

та – достаточно светлая и пустая, если не считать циновки и покрывала для сна, свёрнутых на полу под окном. Оно выходило на высокий каменный забор, выкрашенный в белый цвет. Подпоручик попытался рассмотреть, что можно увидеть кроме забора. Но тут же из-за угла появился воин с широкой кривой саблей на плече и, расставив ноги, стал пристально смотреть на чужака.

– Да, понял, понял, – сказал вполголоса Ян и, широко улыбнувшись, помахал ему рукой: – Охраняете дом хозяина бдительно... Хвалю! Э-эх! Завалюсь-ка я спать!

Мацкевич развернул циновку, укутался покрывалом и, едва положив голову на подушку, уснул здоровым беспробудным сном.

Глава 5

Княжество Сват. Трудности выбора

Яна Мацкевича разбудил громкий стон, вырвавшийся во сне из собственных уст. Ему привиделось, будто он все ещё сидит в душном бухарском зиндане, закованный в цепи. А узбекские охранники, громко хохоча, поливают его сверху мочой. Он пытается увернуться, но куда там – цепи на руках и ногах не дают это сделать. От унижения и обиды Ян кричит в голос и... просыпается в тёмной комнате, где давеча уснул после приезда в Мингору.

Подпоручик вытер рукавом потное лицо, шею и грудь; оглянулся в поисках кувшина с водой; пошарил рукой во круг, но безуспешно. Во-первых, темно, во-вторых, в принципе нечего было искать. Нестерпимо хотелось пить, поэтому пришлось встать. К его удивлению, дверь в комнату была не заперта. Ян вышел в пустой коридор, прогулялся по нему, дергая ручки дверей, и в конце концов набрёл на кухню. Обнаружил чан с водой, напился вволю и удовлетворённо крякнул.

Сон окончательно покинул Мацкевича. На улице слышались негромкие переговоры охранников, одиночный лай собаки и протяжный крик ишака. «Ему, наверное, тоже пришился тревожный сон», – подумал Ян, улыбнувшись. Он ре-

шил прогуляться по придомовой территории, чтобы размять затёкшие ноги. Как говорится, сделай шаг, а дорога появится сама собой. Подпоручик вышел во двор. На улице было темно и прохладно; всё так же кричал ишак, ему вторила собака. Послышалась громкая ругань, видимо, хозяина беспокойных животных. После всё стихло, и Ян зашагал по первой попавшейся тропинке вверх по гребню скалы. Но не успел он сделать и сотни шагов, как неожиданно был остановлен приставленным к горлу ножом. Ян мог бы без труда освободиться от захвата, уйдя в присед, и, воспользовавшись ножом нападавшего, вспороть ему брюхо, но скрипучий старческий голос разрешил ситуацию мирным путём.

– Абу Али! Отпусти его!

– Слушаюсь, учитель! – послышалось над ухом Мацкевича, и лезвие ножа тут же перестало касаться горла.

Вглядевшись в темноту, Ян увидел сторбленную фигуру Абдул Гафура, восседающего на камне в складках тёплого одеяла, накинутого на плечи.

– Подойди ко мне, урус! – потребовал ахунд. – Садись рядом. Я вижу, ты тоже не спишь. Какие мысли тебя терзают, урус?

– Я, кажется, впервые за долгие годы так много спал, учитель! – ответил Мацкевич. – Уснул ещё засветло, после разговора с вами, и вот только пробудился. Сон больше не лезет в голову.

Ахунд понимающе кивнул, но ничего не сказал. Так они

и молчали бесконечно долго, рассматривая далёкие мерцающие звёзды. Как ни странно, неловкости от молчания не было. Только Мацкевич затылком чувствовал внимательный и напряжённый взгляд слуги Абдул Гафура, стоящего сзади наготове, чтобы защищать хозяина. Наконец, почувствовав, что Абу Али создаёт Мацкевичу стеснение, ахунд слегка махнул ладонью в его сторону. Слуга нехотя отошёл на десять шагов и застыл как изваяние, стараясь не мешать ахунду шуршанием камней под ногами.

– Ты догадываешься, почему оказался за многие тысячи фарсангов от дома и зачем понадобился мне, урус?

– Почему я оказался здесь – объяснимо. Меня продали в рабство. Коварный эмир Бухары лишил меня свободы, бросил в зиндан и позволил своим нукерам издеваться надо мной, затем продал вашему послу. А зачем я вам понадобился – ума не приложу, учитель...

Абдул Гафур поправил на плечах одеяло из верблюжьей шерсти, внимательно посмотрел на собеседника и спросил:

– У тебя есть своя семья?

– Нет, я не успел жениться.

– А вот у меня было пять жён. Первые три жены покинули этот мир, родив мне дочерей. Все они, мои дочери, устроены, слава Всевышнему. Четвёртая принесла трёх дочерей. У них уже свои взрослые дети. А вот моя младшая жена Асия родила мне сына. Ему всего двенадцать лет. Он сейчас не здесь – живёт с матерью в Сайду-Шарифе. Мустафа – мой любимец,

моя отрада, моё продолжение... Но я не хочу, чтобы он наследовал моё дело...

Ахунд снова надолго замолчал, обдумывая сказанное. Чувствовалось, что он пока не хочет высказывать основную мысль, предпочитая задать новый вопрос Мацкевичу:

– Ты понимаешь, урус, что тебе отсюда нет обратного пути?

– Скажу откровенно, учитель, нет человека, не мечтающего о свободе.

– Одобрю твою откровенность! Но ты должен понимать, что нет ни одной тропы, ни одной дороги, ни одного города и селения за многие сотни фарсангов отсюда, где бы не были мои люди. Любой человек, желающий покинуть Сват без моего позволения, обречён на погибель. Поэтому мы тебя не запираем и не держим на цепи, как раба. Более того, я даю тебе полную свободу передвижения по княжеству, а при выполнении определённых условий – освобождение от рабства и возможность вернуться домой.

– Какие условия, учитель?

– Во-первых, ты должен будешь принять ислам.

Заметив, что тот сделал протестующее движение, ахунд остановил Яна, положив руку на его плечо.

– Я тебя не тороплю с ответом, урус. Подумай...

– А какое второе условие? – спросил Мацкевич.

– Второе условие исходит из первого. Только добровольно принявшему ислам я смогу доверить это дело.

Подпоручик замолчал, не зная, как ответить. Увидев замешательство собеседника, Абдул Гафур, не отнимая руки от его плеча, проговорил мягким голосом:

– Смена религии не является грехом. Если ты решишь сменить христианство и стать мусульманином, то произойдёт лишь отлучение от твоей церкви. Ведь ты добровольно расстаёшься со своими духовными ценностями и меняешь их. В Священном Коране говорится, что в религии нет и не может быть принуждения. Ислам является третьим ниспосланием Всемогущего, в котором мы можем увидеть некоторые отголоски двух других религий: иудаизма и христианства. Поэтому каждый человек – последователь Бога. Бог един, только вера разная. Вот ты знаешь, что мы, пуштуны, являемся потомками одного из Десяти потерянных колен Израиля²⁷?

– Нет, не знаю...

– По легенде, после смерти царя Соломона единое государство народа Израиля распалось на две части. На юге образовалась Иудея, на севере – Израиль. Всевышний наказал северян за то, что они отошли от служения Единому Богу Творцу, вернув в свои храмы золотого тельца. В древние века Северное Израильское государство захватили воины ассирийского царя Саргона Второго. Большая часть населения

---

²⁷ Десять потерянных колен – племена потомков сыновей Иакова, образовавшие, согласно Священному Писанию, израильский народ; после гибели северного государства они попали в плен к ассирийцам.

Израиля была уведена в плен и расселена небольшими группами в различных областях этой огромной державы. Наше колено берёт начало от самого царя Саула²⁸.

– А какое отношение эта легенда имеет к исламу? – удивлённо спросил Мацкевич.

– Этим я хотел тебе показать, что народ, долгие годы поклоняющийся религии магов, нашёл единственно правильный путь в вере. Этот путь нельзя назвать лёгким...

Почти до первых петухов проговорили Абдул Гафур и Ян Мацкевич. Ахунд был хорошим рассказчиком. Его надтреснутый, но проникновенный голос уводил собеседника в глубины веков, заставляя образно представлять происходившие события тех времён.

Согласно легенде, в 570 году великому персидскому шаху Хосрову Первому приснилось землетрясение, которое до основания разрушило его дворец. Мудрецы, призванные разгадать сон, сообщили шаху, чтобы он опасался Аравии. «Ну какая беда могла прийти из Аравии? – спросил тогда надменно Хосров Первый. – Там живут лишь дикие кочевники, которые при всём желании никогда не смогли бы выставить против меня войско». Сон, так умело разгаданный мудрецами, был вскоре забыт.

---

²⁸ По легенде, у Иеремии, сына царя Саула из колена Вениаминова, родился сын по имени Афган, чьи потомки спустя много веков были пленниками привезены в Вавилон царем Навуходоносором, который позже переселил их в горы, на северо-восток от Герата в Афганистане и Пакистане.

– А ведь зря! – воскликнул ахунд. – 570 год – это год рождения пророка Мухаммада, саллаллаху алейхи ва саллям²⁹. В 610 году в Мекке посланник Аллаха впервые выступил со своей проповедью. Через двенадцать лет Пророк, да будет доволен им Аллах, и его последователи совершили хиджру в Медину, откуда Мухаммад разослал письма царям, князьям и султанам различных частей света с предложением принять ислам. Кто-то из оных посмеялся над незадачливым арабом, как, например, император Византии, кто-то не обратил на письмо особого внимания, а кто-то, наоборот, подошёл к нему со всей ответственностью, как-то: правители Южного Йемена и Омана, поспешившие исполнить волю Мухаммада. Получив такое послание, последний сасанидский шах Хосров Второй, завоевавший до этого у Римской империи Армению, Каппадокию, Палестину и Египет, со злостью разорвал его на множество кусков, не читая. Вскоре на столько же частей распалась и его империя.

Всевышний одних людей наделяет ораторским искусством, тогда как другим предназначает меч и умение в совершенстве им пользоваться. Только Аллах знает, закрепилась бы или нет новая вера, если бы не Халид ибн аль-Валид. Этот человек, как и сам Мухаммад, был родом из Мекки,

---

²⁹ Фразу «салла-Ллаху «алайхи ва-саллам» (да благословит его Аллах и приветствует) мусульмане произносят после упоминания имени Мухаммада, который в исламе является пророком. О благословении Мухаммада говорится в Коране: «Воистину, Аллах и Его ангелы благословляют Пророка. О вы, которые уверовали! Благословляйте его и приветствуйте усердно».

из племени Курейш. Вначале он являлся противником Мухаммада и в 620 году нанёс урон мусульманам в битве возле Ухуда, позже принял ислам и стал главным полководцем Пророка, получив прозвище Меч Аллаха. Халид провёл срок три битвы, ни одну из которых не проиграл.

– Арабы, – продолжил Абдул Гафур, – появились на нынешних пуштунских территориях в 664 году при праведном халифе Омаре. Их войском командовал Халид ибн аль-Валид. Меч Аллаха встретился с вождями иудейских племён, которых на переговорах представлял потомок Афгана – Киш. Впоследствии Киш принял ислам и взял себе мусульманское имя Абдул ибн Рашид, под которым прославился как поборник новой веры. Мало того, Абдул ибн Рашид связал себя узами брака с дочерью знаменитого полководца.

Мацкевич слушал ахунда, почти не прерывая и лишь изредка дополняя его рассказ междометьями. В действительности он слушал вполуха, а сам прокручивал в голове предложение Абдул Гафура принять ислам. Подпоручик осознавал, что попал в двусмысленное положение: с одной стороны, он, как католик, не должен предавать свою веру; с другой – Мацкевич является офицером Генерального штаба, который должен быть готов ко всему, пусть даже к смене веры, если заставят обстоятельства. Тем более что его далёкие предки являлись мусульманами и лишь прадед мурза Ахмат взял польскую фамилию и принял католическую веру, женившись на дочери обедневшего шляхтича. И Ян, как агент

разведки Русской императорской армии, ради достижения цели обязан будет перевоплотиться хоть в бродягу без роду и племени, хоть в нищего на паперти, хоть в высокопоставленного аристократа или изворотливого купца... Да мало ли кем заставит притвориться изменчивое колесо Фортуны! Вот и сейчас волею судьбы он стал рабом ахунда княжества Сват. Это было бы в действительности так, не находишь за его спиной великая Российская империя. Осознание себя винтиком мощной государственной машины делало подпоручика не рабом, а форпостом Родины в далёкой стране.

Ян невольно хмыкнул, вспомнив предостережение Абдул Гафура о невозможности покинуть страну без его ведома. Да если будет необходимо, Мацкевич ужом проползёт все их заслоны, рыбой переплывёт реки, птицей перелетит через горы – нет препятствия, которое заставило бы остановиться подготовленного русского офицера, – они ещё не знают, с кем связались.

Ахунд прервал рассказ, заметив ухмылку подпоручика:

– Что, урус, не веришь?

– Нет, что вы, учитель! – сказал Мацкевич, прижав обе ладони к груди. – Верю, конечно! Только мне непонятно, если соглашусь принять ислам, как будет выглядеть процесс инициации. Сразу предупреждаю: обрезать себя не дам!

Абдул Гафур засмеялся громко – в охотку, мелко-мелко, неизменно трескучим голосом. Смеялся долго, до слёз в старческих глазах. Даже суровый Абу Али улыбнулся,

услышав, как развеселился хозяин – не часто такое увидишь... Ахунд наконец успокоился, вытер глаза свисающим краем чалмы и серьёзно проговорил:

– Ты должен понять, урус, что вера человека находится в сердце, а не между ног. Обрезание не является обязательным условием в исламе. Это сунна – желательное действие. Человек может принять ислам, молиться, поститься, ходить в мечеть, быть хорошим мусульманином, но не сделать обрезание, хотя это желательно. Отец всех пророков Ибрахим, мир ему, сделал обрезание в восьмидесятилетнем возрасте.

– О, это тогда меня устраивает! – воскликнул Ян.

– Церемония принятия ислама очень проста, – продолжил ахунд, – для этого человек должен подтвердить свои чувства и осознанно проговорить вслух шахаду.

– А что это, учитель?

– Шахада – это самая главная и важная заповедь, которая определяет саму веру человека. Это принцип, без которого никто не сможет стать мусульманином. Символ, который выражается так называемой формулой Единобожия, свидетельством принятия ислама: «Ашхаду аль-ля иляха илля Аллах, ва ашхаду анна Мухаммадан абдуху ва расулюх». Что в переводе с арабского языка означает: «Нет другого бога, помимо Аллаха, Мухаммад – раб Его и посланник».

Начало светать. Утренний прохладный ветер размеренно качал ветки на деревьях, а листья отзывались на это тихим шелестом. Запели первые петухи, разноголосо и заливи-

сто возвещая людей о наступлении рассвета – пора вставать! Пернатым глашатаям через некоторое время стал вторить муэдзин из башни ближайшей мечети, призывая правоверных к фарджу – утренней молитве. Ахунд кряхтя поднялся с камня и неожиданно ухватился за плечо Яна – закружилась голова. Абу Али моментально оказался рядом и подхватил хозяина с другой стороны. Так и ушли вдвоём, не прощаясь, вниз по тропе, а Мацкевич остался один на один со своими мыслями. Впрочем, он уже принял для себя решение подчиниться обстоятельствам и пройти инициацию в магометанство. Оставалось только понять, что за второе условие приготовил для него Абдул Гафур.

Всё прояснилось после пятничной молитвы в мечети. Туда был приглашен и Мацкевич. После проповеди ахунда, которая была посвящена уважительному отношению правоверного мусульманина к своим родителям, Ян был приглашён внутрь большого зала. После того, как он торжественно повторил три раза шахаду: «Нет другого бога, помимо Аллаха, Муххамад – раб Его и посланник», Абдул Гафур лично приступил к обряду имянаречения.

– Какое ты имя выбрал для себя, урус? – спросил он.

– Абдалла, учитель! – сказал смиренно Ян.

– Прекрасно! – воодушевился ахунд. – Это очень древнее арабское имя. Означает оно в переводе с арабского «Божий слуга». Обладателя такого имени ждёт успех в любом деле. К тебе начнут прислушиваться люди, и ты сможешь

ими управлять. Я рад, что ты выбрал это имя. Что же, приступим?!

– Да, учитель!

– Садись на ковёр лицом к Кибле³⁰. Можешь закрыть глаза и слушать.

Сказав это, ахунд напевным проникновенным голосом возвестил азан³¹. «Куда делся трескучий голос старика?» – подумал удивлённо Ян. В это время возле правого уха прозвучало: «Абдалла! Абдалла! Абдалла!» Затем был произнесён камат³². И опять Ян услышал трижды своё новое имя, но теперь уже возле левого уха. Далее ахунд приступил к чтению самой первой суры, открывающей Благородный Коран, – «аль-Фатиху». После этого снова зазвучал надтреснутый голос старца на пушту:

– Йа Аллах, Ты ниспослал это дитя для нас в добром здравии, даровал ему ум и веру. О Аллах, Своей великой милостью ниспошли ему благ, чтобы он стал опорой нашей уммы. Тебе по силам даровать ему здоровья и благополучия

---

³⁰ Кибла – точно установленное направление из любой точки Земли в сторону священной Каабы, расположенной в г. Мекке в Аравии. Во время намазов и отправления ряда ритуалов все мусульмане обращают туда свои лица. Кааба – мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам (Заповедная Мечеть) в Мекке.

³¹ Азан – оповещение всех тех, кто может услышать, о том, что наступило время намаза.

³² Камат – это второй призыв на молитву, которая читается непосредственно перед совершением обязательного (фард) намаза.

до скончания его века. Обереги его от болезней и несчастья, сделай так, чтобы его имя Абдалла соответствовало ему и чтобы он прожил жизнь достойно. Чтобы ему сопутствовал успех во благо родителей, нашего народа и нашей веры. Пусть он совершит благие дела и принесёт радость всем нам. О Аллах, пусть из его рода вплоть до самого Судного дня будут появляться последователи нашей веры, которые будут верны Тебе и поклоняться только Тебе, которые будут совершать мольбу перед Тобой по своим родителям и всем нам и предстанут перед Тобой в здравом уме и уверовавшими, обереги их от мучений в могиле и испытаний в аду.

Вечером при большом скоплении уважаемых гостей в доме ахунда был устроен праздничный ужин в честь вновь обретённого правоверного. Взяв слово, Абдул Гафур во всеуслышание заявил:

– Братья мои, правоверные! Я поздравляю нашего Абдаллу с переходом в истинную веру. Это великое событие и для нас. Я будто обрёл себе сына. С этого момента ты, Абдалла, свободный человек и волен делать, что пожелаешь, если это не харам. Так как ты теперь живёшь среди нас, пуштунов, то не мешает ознакомиться с пуштунвали – это неписанный закон и идеология пуштунских племён, унаследованные нами от своих предков, своеобразный кодекс чести.

– Хорошо, учитель! – сказал Абдалла. – У меня память хорошая. Постараюсь...

– А поможет тебе в этом джиргамар Усман Хан.

– Да, учитель! – сказал, привстав со своего места, один из мужчин.

– Простите моё невежество, учитель, – смиренно спросил Абдалла, – но я не понял, что означает слово «джиргамар»? Моё знание пушто ещё недостаточно...

– О, джиргамары очень уважаемые люди среди нас. Они знают пуштунвали наизусть и при необходимости могут разрешить любой спор. Ты должен понимать, Абдалла, что пуштунвали и законы шариата часто расходятся, даже очень сильно, в некоторых вопросах. Ориентироваться в тонкостях шариата тебе поможет твой старый знакомый Сейф аль-Малюк.

– Да, учитель, – отозвался неофит, – с удовольствием!

Уже со следующего дня началось интенсивное погружение Мацкевича в неведомые доселе сферы. День Абдалла проводил в доме Сейф аль-Малюка, штудирюя законы шариата, обучаясь намазу, молитвам; следующий – посвящал изучению пуштунвали в доме Усман Хана. Так в течение долгого времени чередовались дни и ночи, пока заведённый распорядок не нарушило всеобщее горе – слёг Абдул Гафур. Причём это не было краткосрочным недомоганием, счёт пошёл если не на часы, то на дни.

Однажды вечером, почувствовав себя лучше, ахунд призывал к себе Абдаллу и Сейф аль-Малюка.

– Ну, как наш новоиспечённый единоведец? – спросил он своего друга. Голос у Абдул Гафура был довольно бодрый.

– Стараются, учитель, – ответил Сейф аль-Малюк. – Память у него хорошая. Не на пустом месте имеет способность к языкам.

– Это хорошо. Я вас позвал вот почему. Мои дни сочтены...

– Ну что вы, учитель! – прервал его поспешно Сейф аль-Малюк.

– Не перебивай! – сказал ахунд, скривив лицо, как от зубной боли. – Я знаю! Дни мои сочтены. Жалею, что не успел познакомить Абдаллу с моим сыном. Поправь мне подушку... Ах-х... Тебе, Сейф, поручаю это дело. Вам двоим... После моей смерти начнётся смута среди племён, пока не выберут нового ахунда. Сыну моему Мустафе грозит опасность. Слишком многим я перешёл дорогу... Слишком многие хотели бы известить меня и мой род... Опять же сикхи будут мстить. Вот они возрадуются, когда меня не станет...

– Учитель! – воскликнул Сейф аль-Малюк. – Отдохните! Вам тяжело так много говорить. Может, мы зайдём позже?!

– Нет! – возразил слабеющим голосом Абдул Гафур. – Слушайте меня. Я за остальных не тревожусь. Мустафа... Он – моё единственное беспокойство. Поклянитесь, что никому не раскроете тайну его рождения. Тебе, Абдалла, вручаю его воспитание. Только не здесь... Не в Свате... Вам надо будет уехать. Средствами я обеспечу – хватит на две жизни. А ты, Сейф, друг мой, помоги им незаметно выбраться из княжества.

– Хорошо, учитель! Всё сделаю, как скажете...

– А теперь оставь меня с Абдаллой наедине. Потом зайдешь...

– Повинуюсь, учитель!

Сейф аль-Малюк вышел из покоев ахунда и тихонечко притворил дверь, но оставил щёлочку, чтобы слышать, о чём тот будет говорить с Абдаллой.

Глава 6

Княжество Сват. Поздний вечер в Сайду-Шариф

После более чем скромных похорон Абдул Гафура – по мусульманской традиции в день смерти – Сейф аль-Малюк и Абдалла засобирались в путь. Надо было вернуться в Мингору по истечении седьмых суток, чтобы принять участие в поминальном обряде по усопшему. Решили больше никого, кроме Абу Али, в сопровождение не брать, дабы не привлекать излишнего внимания к миссии.

Мустафа оказался довольно смышлёным синеглазым мальчиком лет девяти от роду – словоохотливым, любопытным и разумным. По понятным причинам он не присутствовал на похоронах отца, но известие о его смерти принял стойко. Впрочем, он видел-то родителя всего лишь раз пять, когда тот приезжал в Сайду-Шариф. Абдул Гафур стал испытывать к сыну особенное отношение, нежность и тревогу лишь в последние годы своей жизни, когда понял, что никто не позаботится о будущем юного наследника, после того как его не станет. Он окружил Мустафу незримой заботой, вниманием и достатком. В его распоряжении имелись лучшие воспитатели и учителя. К своим девяти годам мальчик был недурно обучен арабской и персидской грамоте, имел неплохие результаты в математике, астрономии и географии.

Правда, Ян обнаружил, что английский Мустафы был ужасающим. Доверясь учителю индийского происхождения, он усвоил неистребимый индийский акцент, который превращал предложения в мелодичную словесную кашу. Яну стоило большого труда вычленять из неё отдельные фразы, подвергнутые сильнейшей фонетической трансформации. Кроме того, имели место абсолютно хаотичные способы смешения и произнесения английских слов. Хотя благодаря отменной памяти словарный запас у мальчика был хороший. Да, Мацкевичу предстояло потрудиться на педагогическом поприще.

Мальчик жил вместе с матерью и несколькими слугами в небольшом, но уютном доме. За дастарханом, накрытым в мужской половине, состоялся разговор о дальнейшей судьбе Мустафы.

– Мальчик мой, – начал Сейф аль-Малюк, – ты теперь единственный мужчина рода нашего достопочтенного учителя, покинувшего нас. Да будет Аллах Всемиловитвейший ему защитой в том мире. Мой друг и учитель Абдул Гафур поручил представить тебе нового воспитателя. Его зовут Абдалла – будьте знакомы. Это первое, что я должен тебе сказать.

Мустафа, польщённый приглашением на взрослую беседу, важно кивнул. Ян обратил внимание, что в этом жесте не было напыщенности избалованного сына ахунда, наоборот, взгляд его был по-взрослому сосредоточенно-вни-

мательным.

– Второе, что мне поручено сказать тебе, Мустафа, ты должен будешь покинуть наши края. Вместе с Абдаллой и Абу Али.

Абу Али, услышав своё имя, молча поклонился, прижав руку к сердцу.

– Абу Али был многие годы верным слугой твоего отца. Теперь будет служить тебе...

Слуга снова повторил свой жест, а Мустафа вскочил на ноги и заявил:

– Я без мамы никуда не поеду! А как же моя мама?! Я должен буду покинуть её?!

– Садись, Мустафа, не суетись! Мужчине не пристало так себя вести.

Сейф аль-Малюк протянул руку и погладил мальчика по голове.

– Твоя мама переедет в Мингору – в дом твоего отца. Так завещал учитель. А ты должен будешь уехать. Это не обсуждается.

– Я не хочу уезжать! – закапризничал мальчик. – Я хочу остаться с мамой!

– Уважаемый Сейф аль-Малюк, – сказал Ян, – позвольте я поговорю с Мустафой?

– Говорите, Абдалла...

Мацкевич понимал, что в данном случае не стоит давить на мальчика. Лучше дать возможность Мустафе самому при-

нять правильное решение. Поэтому он начал издали, медленно выговаривая слова и периодически отпивая зелёный чай из пиалы:

– Мустафа Хан, если позволишь я теперь так буду к тебе обращаться, чтобы не выдать твоего происхождения. Так вот, Мустафа Хан, я приехал сюда из очень далёкой страны. У меня там тоже остались родные, друзья. И я по ним очень скучаю. Понимаешь, я дал слово твоему отцу, что не оставлю тебя, буду путешествовать с тобой по разным странам, знакомить с разными людьми. Надеюсь, мы с тобой подружимся! Тем более что мы не сегодня-завтра уезжаем. У тебя ещё будет время подумать.

– А почему я должен уехать? Разве нельзя мне остаться?

– К сожалению, тебе здесь грозит опасность...

– А мама? А маме не грозит опасность?

– Маме тоже грозит, но ей нельзя уезжать. Поэтому она переедет в дом твоего отца. А тебе надо расти, получить воспитание, стать образованным человеком. Чем мы вместе и займёмся.

– Хорошо, я подумаю, Абдалла.

– Вот и ладно, – сказал Сейф аль-Малюк. – А мы пока займёмся организацией переезда в Мингору. Сегодня заночуем здесь, а завтра, иншалла, тронемся в путь.

К сожалению, этим планам не было суждено сбыться. Ночью дом подвергся нападению неизвестных. Сначала раздавался звон разбитого стекла, отчего Мацкевич тут же проснул-

ся. Вскочили на ноги Сейф аль-Малюк, в руке Абу Али блеснула сталь кривой и широкой сабли. Сквозь разбитое окно слышались голоса десятка людей, которые собрались возле дома.

– Кяфиры!

– Харам!

– Выдайте нам иноверца и согрешившую с ним Асию!

– Какой позор! Какой стыд! Какой грех!

Снова полетели камни в окна несчастной Асии. В доме никого, кроме неё и гостей, не было – слуги разбежались заранее. Похоже, их известили, что дом подвергнется нападению.

– Я Сейф аль-Малюк! – крикнул в проём разбитого окна друг ахунда. – Что случилось? Почему вы забрасываете камнями этот дом?

– В этом доме совершён грех! – слышались голоса в ответ. – Ты, уважаемый Сейф аль-Малюк, можешь уходить! Тебя не тронем! Только пусть выйдут Асия и иноверец-кяфир!

– С чего вы взяли, что здесь совершён грех? – опять крикнул Сейф аль-Малюк. – Я отвечаю своим добрым именем: здесь ничего подобного не произошло!

Люди на улице погалдели, пошумели, поспорили некоторое время, и снова раздался голос, но уже твёрдый и требовательный:

– О совершённом грехе нам сообщили слуги Асии. А ты, Сейф аль-Малюк, уноси ноги и дай нам войти в дом.

– Заходить в чужой дом без спроса – харам!

– Тогда выдай нам этих людей!

Опять в дом влетел большой камень и, ударившись о стенку, разнёс посуду, расставленную на полке. В женской половине послышался плач без вины виноватой женщины. Наконец проснулся и Мустафа. Он стоял в проёме двери, рассматривая учинённый погром ничего не понимающими глазами. Абу Али тут же подскочил к мальчику и прикрыл его своим телом. Как оказалось, вовремя – через мгновение небольшой камень, пущенный чьей-то умелой рукой, попал в голову слуги. Хлынула кровь, заливая его глаза. Абу Али уронил саблю и схватился за рану.

– Мустафа! – крикнул Мацкевич. – Иди ко мне!

Он закрыл руками мальчика и присел в углу, куда камни не долетали.

– Что будем делать, Абдалла Хан? – спросил Сейф аль-Малюк. – В дом они побоятся зайти. Харам. Но в то же время мы не можем здесь всё время сидеть. Надо выбираться.

– Что если послать за помощью в Мингору?

– Кого? – спросил в ответ Сейф аль-Малюк, кивнув в сторону раненого. – Его, что ли?! Ему самому требуется помощь!

– Я смогу! – сказал со стоном Абу Али. Он, сидя на полу, перевязывал себе рану разорванной рубашкой.

– В любом случае это надо сделать ближе к утру, когда у собравшихся притупится внимание, – сказал Мацке-

вич. – Некоторые, потеряв терпение, уйдут домой, а остальные не будут бодрствовать всю ночь. Подождём.

Но собравшиеся возле дома Асии были организованы лучше, чем предполагал Мацкевич. После некоторого времени, данного Сейф аль-Малюку на раздумье, на улице вдруг стало ярко от множества зажжённых факелов. Через секунду они с рёвом полетели в окна. Выбора не оставалось – надо было срочно выбираться из дома. Позвали Асию и выскочили на задний двор. Из-за дувала, отделяющего соседское подворье, показалась седобородая голова.

– Э-ээ! Асия-ханум! Мустафа! Идите к нам. Я вас спрячу. Не бойтесь!

Людей, только что подвергнувшихся нападению, не надо было долго упрашивать. К дувалу быстро подтащили арбу и, воспользовавшись ей как подставкой, перебрались на соседский двор. С его стороны к стене уже была приставлена лестница. Асия сразу ушла в женскую половину. Оттуда слышались её плач и успокаивающий голос хозяйки.

– Это люди Шариф Хана, – сказал старик. – К нам тоже заходили, звали на улицу. Но я не поверил, что Асия-ханум согрешила. Мы её знаем давно.

– Надо послать за подмогой, – заявил Сейф аль-Малюк, – иначе они нас и здесь найдут. И лошадей жалко – сгорят ведь.

– За лошадей не волнуйтесь, – ответил старик, оглаживая бороду. – Я к людям сына отправил. Он умеет убеждать, да и Аллах силой не обидел. Не боится он Шариф Хана. А люди

глупые – всему верят. Скажут, согрешила такая-то, вот начинаются крики, визги, обвинения... А придёт другой и расскажет по-другому – все устремляются к нему.

Действительно, не прошло и получаса, как голоса на улице поутихли, а пожару в доме не дали разгореться – стали тушить. Здесь, похоже, постарался сын старика, защищая от огня и своё жилище. Несколько человек вывели из стойла лошадей и привязали на безопасном месте. Потихоньку люди стали расходиться по домам, остались только пятеро из окружения Шариф Хана. Но и они не решились зайти в дом Асии. Долго спорили между собой, но так как самого предводителя среди них не было, то тоже решили убраться с места преступления, посчитав, что женщина и иноверец задохнулись в дыму: завтра узнают, посветлу. Об этом сообщил вернувшийся домой сын старика.

– Рахим, сынок, – сказал старик, – иди, сходи за лошадьми гостей да ещё запряги в нашу арбу пегую кобылу. Потом проводишь до окраины города. Гостям пора в путь.

– А может, нам дождаться помощи из Мингоры?! – засомневался Сейф аль-Малюк.

– Можете, конечно, остаться, – ответил старик. – Мой дом – ваш дом. Но когда придёт ваша помощь? По этой темноте пока доберёшься до Мингоры – пару часов пройдёт. И обратно два часа. К этому времени уже утро наступит. Я больше чем уверен, что Шариф Хан заставит людей вернуться к дому, проверить...

– Да, согласен! – прервал старика Сейф аль-Малюк. – Зря я не взял с собой охрану. Зовите, уважаемый, Асию! Надо уезжать!

Мустафа с матерью и раненым слугой сели в арбу, а мужчины вскочили в сёдла. Тепло поблагодарив старика и попрощавшись, тронули поводья. Взвихрилась пыль под копытами скакунов, и по ночной городской улице всадники умчались прочь, а за ними покатила арба, гремя колесами по каменной мостовой. До окраины добрались быстро. Там растались с сыном старика Рахимом. Он предлагал сопроводить их до Мингоры, но Сейф аль-Малюк поспешно отказался. Оказалось – зря. За отъездом людей из темноты наблюдала пара внимательных глаз. Удостоверившись, что процессия направилась в сторону Мингоры, конник в чёрном одеянии вернулся за товарищами. Догнать беглецов, отягощённых неторопливостью кобылы, запряжённой в арбу, не стоило большого труда. Первым пал Абу Али – от стрелы, со свистом прилетевшей из темноты. Он с удивлением посмотрел на оперение древка, торчавшего из груди, и, охнув, опрокинулся на спину. Заверещала Асия, увидев рядом мёртвого слугу, заплакал Мустафа, больше испугавшись за маму, чем за себя. Мацкевич едва успел соскользнуть с седла под брюхо лошади, как над крупом просвистели несколько стрел. Сейф аль-Малюк, бросив всех, умчался в темноту. Очередной раз тоненько дзенькнула тетива, и стрела оборвала крик Асии. «Так нас перестреляют, как куропаток, – по-

думал Ян. – Хоть бы какое оружие! Э-эх...»

Мацкевич снова залез в седло, поравнялся с арбой, выдержал из неё плачущего мальчика, посадил перед собой и, гикнув, погнал лошадь вперёд. Другого способа спастись не было. Он слышал сзади топот нагоняющих его всадников; пару раз со свистом пролетели стрелы; один раз спотыкнулась лошадь, но удержалась на скаку. Больше всего Мацкевич боялся этого – как бы скакун не попал копытом в яму. Но бог, или Аллах, миловал, ему удалось на некоторое время оторваться от преследователей. Он свернул с дороги к кустарнику, заставил лошадь улечься на землю (так обычно делают казаки) и, приставив палец к губам, попросил Мустафу замолчать. Тот понятно кивнул. Через некоторое время на дороге появился силуэт одинокого всадника. Из-за поворота навстречу ему выехали преследователи Мацкевича.

– Стойте! – воскликнул инициатор погони. – Вы что, потеряли их?

– Они же за вами поскакали! И вы не встретили?!

– Шайтан вас подери! Не можете выполнить простое поручение! Я всё сделал для того, чтобы вы смогли захватить мальчика и убить этого уруса. Вместо этого убили всего лишь слугу.

– Ещё нами убита Асия, уважаемый...

– Вот, – прервал собеседника зачинщик происходящего кошмара, – всё, на что вы способны! За что я заплатил столько рупий? Чтобы убить слугу и женщину?!

Мустафа, услышав про гибель матери, захныкал, но Ян своевременно зажал ему рот и снова прижал палец ко рту.

– Тс-с-с, – сказал он шёпотом, – тихо, Мустафа, прошу тебя, потерпи!

Мальчик немного успокоился и сам зажал себе ручками рот, показывая, что будет молчать. А Мацкевич снова стал прислушиваться к разговору незнакомцев. Уж больно одинокий всадник силуэтом и голосом напоминал Сейф аль-Малюка, но Яну не хотелось этому верить. Поэтому он старался услышать и увидеть сквозь листья кустарника побольше. Наконец его ожидания были вознаграждены, когда один из бандитов громко воскликнул:

– Всё, уважаемый Сейф аль-Малюк, мы свою часть договора выполнили! Это из-за вашего упрямства нам не удалось выкурить их из дома! Надо было забрать мальчика и выйти к нам. Тогда не пришлось бы гоняться за ними в темноте.

– О чём ты говоришь, Шариф Хан? Меня ни в коем случае нельзя впутывать в эту историю. Всё должно было случиться, как планировали. Впрочем, это уже не важно. Надо найти мальчика. Они не должны далеко уйти.

– Тогда надо будет ещё заплатить моим людям. Мы бесплатно не работаем.

– За этим дело не станет. На, держи мешочек! Здесь есть немного серебра. Остальное по исполнению. И запомните: мальчик мне нужен живой, а урус – мёртвый.

Глава 7

*1877 год. Княжество Сват. Завещание великого ахунда.
Путешествие за сокровищами*

После того, как Сейф аль-Малюк и бандиты Шариф Хана уехали с того места, где прятались беглецы, Мацкевич принял решение без промедления двинуться не в Мингору (там ему делать было нечего), а в селение Батхела, расположенное в Малаканде. Этот населённый пункт Ян выбрал не случайно. Перед смертью Абдул Гафур, оставшись с ним наедине, сунул в руку Мацкевича записку с указанием названия этого села и именем человека, к которому надо было обратиться.

– ...Запомни, Абдалла, – сказал Абдул Гафур, – этот человек обязан мне всем, что у него есть. Приедешь к нему с Мустафой. Он хорошо знает его. Мы однажды заезжали к нему с моим сыном... Я тогда предупредил, что однажды к нему приедет человек с Мустафой. Только в этом случае он покажет, где спрятаны мои сокровища.

Абдул Гафур замолчал, чтобы перевести дух. Разговор отнимал у него много сил, хотя он говорил медленно и тихо. Только ни Ахунд, ни Мацкевич не подозревали, что их разговор подслушивает Сейф аль-Малюк. Именно в тот момент в его голове созрел коварный план. А ведь ему стоило бы прислушаться к заключительным словам, которые вы-

сказал Абдул Гафур, вместо того чтобы предаваться мечтаниям о скором обогащении.

– Не спрашивай меня, откуда эти богатства, – продолжил ахунд. – Главное, мы не должны забывать, что блага, которыми мы пользуемся, даёт нам не случай, а небесные силы Всевышнего. Они невидимо разрушают расчёты злых людей, которым иногда на время удаётся обмануть и обокрасть кого-то. Жизнь даёт нам бесчисленные примеры, в которых открывается божественное провидение. Будь честен перед собой и перед Всевышним, Абдалла, и тогда провидение не оставит тебя. Вручаю в твои руки не столько сокровища, а сколько самое главное моё богатство – сына Мустафу. Береги его! А теперь иди и позови Сейф аль-Малюка...

В Батхелу добрались только к вечеру третьего дня. Дом торговца коврами Омар Хана нашёлся быстро – его знал каждый прохожий. Хозяин встретил сдержанно, не выказывая никакой радости, потому как трудно было узнать в оборванце с грязным, искусанным комарами лицом Мустафу – сына великого ахунда. Лишь через некоторое время после разговора, когда Мацкевич показал записку Абдул Гафура, торговец расплылся в улыбке, признав руку духовного лидера. Тотчас была организована купель с горячей водой для помывки гостей и накрыт дастархан со всевозможными яствами. Вести о кончине ахунда ещё не дошли до Малаканда, поэтому Омар Хан не преминул спросить:

– Как поживает учитель? Я слышал, что он приболел.

– Великий учитель Абдул Гафур оставил этот бранный мир четыре дня назад, – ответил Ян и возвёл взгляд к небу. – Поэтому мы с Мустафой здесь.

– Йа Аллах! – воскликнул Омар Хан и, поднеся руки к лицу, стал шептать слова молитвы по усопшему. Ян присоединился к нему – дабы соответствовать облику правоверного.

Закончив молитву, Омар Хан повернулся к Мацкевичу и сказал:

– Я предупреждён учителем о том, как поступить, если ко мне явится человек в сопровождении Мустафы. Сегодня отдохните, наберитесь сил, уважаемый Абдалла Хан, а завтра пойдём в горы. Идти далеко, поэтому силы вам понадобятся.

– Боюсь, у нас нет времени на отдых, уважаемый Омар Хан. За нами по пятам идёт Сейф аль-Малюк с бандитами Шариф Хана из Сайду-Шарифа.

– Как? – удивлённо воскликнул Омар Хан. – Сейф аль-Малюк был лучшим другом учителя. Его доброе имя известно даже здесь.

– К сожалению, он стал на путь предательства. Не смог устоять перед испытанием богатством. Решил сам завладеть сокровищами ахунда.

В горы отправились немедля. Омар Хан взял с собой слуг, вооружённых длинноствольными джезайлами. Эти мушкетеры, изогнутые, как ядовитые змеи, и украшенные разнообразными изящными рисунками, придавали слугам грозный вид. Сам Омар Хан предпочёл вооружиться длин-

ным индийским ножом, который заткнул за пояс, а Мацкевич выбрал английскую саблю с тяжёлыми металлическими ножами. В случае чего ими можно было воспользоваться в бою для парирования ударов. Кроме этого, в арсенале торговца нашлось настоящее сокровище для ближнего боя – восьмиствольный пеппербокс Крамера. Он представлял собой восьмимиллиметровый гладкоствольный капсульный пистолет, названный перечницей из-за сходства с малой ручной мельницей для размалывания перца. Тщательно зарядив стволы, Ян захватил это чудо техники с собой.

До подножья горы добирались на лошадях. Дальше начался крутой подъём по тропе, поэтому Омар Хан решил оставить двух слуг с лошадьми внизу, а самим идти пешком. Мустафа мужественно принял решение присоединиться к ним. Предстояло подняться по очень сложной малохоженной тропе, хоть и на небольшое расстояние: приходилось всё время быть настороже, чтобы не улететь в пропасть или в лучшем случае не подвернуть ногу среди множества камней. Со слов Омара Хана, стало ясно, что наверху, в горной пещере, раньше проживал суфийский отшельник-захид. После его смерти тропа и пещера были заброшены, чем и воспользовался ахунд, для того чтобы спрятать свои сокровища.

– Вот, слава Аллаху, мы и пришли! – заявил Омар Хан, когда путники достигли более-менее просторной площадки.

– А где же пещера? – спросил удивлённо Мацкевич.

Тропа здесь заканчивалась тупиком, и нигде не было видно входа в грот. Во всяком случае, с того места, где они стояли.

– А вы посмотрите повнимательнее... – сказал Омар Хан, хитро улыбнувшись.

Его спутники бросились на поиски, но, несмотря на многократный обход площадки, не обнаружили ничего похожего на вход. Ян даже попробовал сдвинуть с места некоторые камни, полагая, что там, возможно, находится заветная пещера. Наконец Омар Хан смилостивился. Он подошёл к тому самому камню, который пытался сдвинуть Мацкевич, только с другой стороны. Подставил плечо и легко стронул его с места, открыв нишу высотой в половину человеческого роста. Затем приказал одному из слуг зажечь факелы, и люди по одному проникли в просторный грот. Трепещущий свет пламени выхватил в темноте подобие каменной лестницы, уходящей вверх вдоль противоположной стены. К ней-то и повёл своих спутников Омар Хан. Почти у самого потолка обнаружилось ещё одно отверстие, но уже большего размера, чем вход в грот. Да и само новое помещение оказалось огромным: свет пламени факелов не достигал ни потолка, ни стен. Лишь внизу сверкало зеленоватой водой небольшое озерцо. Люди начали осторожно спускаться к этому водоёму. В пещере царила гнетущая тишина, изредка прерываемая капанием воды и шагами людей.

– Копайте здесь! – приказал Омар Хан, указав слугам ме-

сто тайника.

Они отложили джезайлы в сторону и взялись за кетмены. Через некоторое время кованое острие одного из ручных орудий ударило о металл и высекло искру. Помощники Омар Хана быстро разгребли мелкие камни и подняли тяжёлый сундук, обитый железом.

– Посвети! – сказал торговец. – Там должен быть ещё один ящик.

– Ну что?

– Да, хозяин! Есть ещё один сундук. Сейчас...

– Поднимайте! Вот так! Ставьте рядом.

– Абдалла! – снова подал голос Омар Хан.

– Слушаю вас, уважаемый!

– Будем открывать здесь или вынесем сначала наружу?

– Предлагаю вынести на свет. Здесь всё равно плохо видно. Ты не против, Мустафа? В конечном счёте это твои сундуки.

– Не согласен, Абдалла. Давайте посмотрим! Может, там полные сундуки камней.

– Как скажешь, молодой господин!

Вскрыли сначала большой сундук. Он был забит до отказа золотыми изделиями: чаши, кувшины, табакерки, холодное оружие – всё лежало вперемешку с иностранными монетами. Во втором сундучке обнаружили драгоценные камни – они переливались разными цветами радуги в свете факельного огня.

– Ну что?! Посмотрели, полюбовались, а теперь потащили на выход!

Слугам достался невероятно тяжёлый сундук, а Мацкевичу и Омар Хану – поменьше размером и полегче весом. Мустафе доверили факел и попросили возглавить шествие. Но не успели «охотники за сокровищами» спуститься в нижний грот пещерного комплекса, как снаружи послышались далёкие глухие выстрелы. Ян с Омаром понятливо переглянулись: хорошо, что оставили внизу слуг, – иначе бы бандиты застигли их врасплох.

Выбравшись наружу, Мацкевич увидел, что под скалой идёт настоящий бой. Пока перевес был на стороне слуг Омар Хана, которые, спрятавшись за большим валуном, с помощью дальнобойных мушкетов держали нападавших на расстоянии. Но они не могли заметить, что несколько бандитов уже обходят место стоянки, чтобы нанести удар в спину. Ян кивком головы указал рукой Омар Хану на манёвр нападавших.

– Вижу! – сказал тот, затем повернулся к своим слугам для дачи приказаний: – Халик! Алим!

– Да, хозяин!

– Видите вон тех сынов шайтана? Сможете достать отсюда?

– Постараемся!

До цели было не меньше трёхсот шагов, но дело осложнялось тем, что стрелять приходилось не на равнинной местно-

сти. Ян с интересом наблюдал за подготовкой Алима и Халика к ведению огня. «Знают ли они, что при стрельбе вниз траектория пули спрямляется и дальность полёта увеличивается?!» Так и есть – первые выстрелы ушли значительно выше голов бандитов, судя по фонтанчикам пыли, поднятым пулями. Правда, бандиты пока не заметили стрелков – их внимание сосредоточилось на противостоянии в зоне непосредственной видимости.

– Халик, Алим, – сказал негромко Мацкевич, – цельтесь прямо под ноги!

Два выстрела слились в один, и два бандита упали как подкошенные. Да уж, грозное оружие джезайлы. Не оставляют ни единого шанса противнику.

– Вот это уже другое дело! – воскликнул Омар Хан. – А то чуть не опозорили меня перед гостем.

Наконец до бандитов дошло, что появилось подкрепление, и они перенесли часть огня на вершину скалы. К счастью, эти выстрелы не достигали цели – расстояние было недостижимо для их менее дальнобойных, чем джезайлы, английских пехотных мушкетов. Но справедливости ради надо сказать, их оружие было более скорострельным, чем мультики слуг Омара Хана. Впрочем, беглый огонь, который вели бандиты, не причинял никакого вреда обладателям сокровищ ахунда. Поэтому Шариф Хан подгонял своих нукеров вверх, поближе к противнику:

– Вперёд, вперёд, вперёд! За что я вам деньги плачу? За-

ходите слева вдоль скалы! И достаньте мне этого уруса! Никого не жалейте!

– Надо сначала вон тех двоих обезвредить, Шариф Хан! Они же нам головы не дают высунуть!

– Так в чём же дело? Где Амир?

– Здесь!

– Иди и принеси мне головы этих собак!

Амир считался в отряде лучшим лазутчиком. Небольшого роста, вёрткий, юркий, жилистый мужчина тридцати лет не признавал огнестрельного оружия. Обвешанный всевозможными видами холодного оружия, он имел, кроме всего прочего, поясную сумку с метательными ножами, которыми владел виртуозно. Ему ничего не стоило с двадцати шагов попасть в голову или шею жертвы. Помимо этого, Амир был когда-то настоящим палваном – богатырем в национальной борьбе гуштунгири.

Вот такого непростого бойца Шариф Хан отправил выполнить задание по ликвидации слуг Омар Хана, занимавших вполне удобную для обороны позицию. За спиной и слева у них находилась скала, по которой уже спускались сундуки с тяжёлым грузом. Важно было не подпустить бандитов на расстояние прямого выстрела, чтобы люди могли спокойно завершить транспортировку. Прямо перед обороняющимися простиралось открытое пространство, откуда бандиты начали нападение, ещё недавно надеявшиеся наскоком овладеть противником. Наиболее уязвимой являлась правая сто-

рона позиции. Вдоль скалы тут и там в беспорядке лежали каменные глыбы наподобие той, за которой прятались стрелки Омар Хана. Пользуясь ими как прикрытием, где переползая, где перебегая, Амир постепенно приближался к цели. Чтобы отвлечь от лазутчика внимание на себя, стрельба со стороны бандитов усилилась. Пули всё чаще стали дзвенать о камень в непосредственной близости от голов слуг Омар Хана.

Ответную стрельбу слуги вели попеременно – пока один перезаряжал, другой стрелял, и наоборот, когда второму нужно было перезарядить свой джезайл, стрелял первый. Надо отдать им честь – стрельбу они вели исключительно удачно: Шариф Хан к тому времени потерял убитыми и ранеными пятерых нукеров, не считая тех, кого вывели из строя Халик и Алим. А это была половина отряда. Если Амир не справится с заданием, то не видать им сокровищ Абдул Гафура. Надо было послушать Сейф аль-Малюка – взять больше людей. Пожадничал Шариф Хан, чтобы не делиться, вот теперь пожинает плоды. Вместе с ним осталось всего пять человек.

А Амир тем временем был уже в непосредственной близости от обороняющихся и, спрятавшись за очередным валуном, выбирал удобный момент, чтобы совершить бросок. Вот один из слуг встал спиной к нему и изготовился к стрельбе, а второй сел на землю заряжать мушкет. Бросок метательного ножа произошёл одновременно с выстрелом – пе-

ред смертью слуга Омар Хана сумел унести с собой ещё одного бандита. А Амир шёл уже в открытую на стрелка, оставшегося в живых. Тот ещё не успел перезарядить своё оружие и схватился за саблю. От первого броска ножа он сумел увернуться, но второй достиг цели – попал в плечо. Слуга уронил саблю, отступил назад и, прислонившись спиной к валуну, обречённо сполз по нему на землю. Амир взял в руки его саблю и замахнулся, но резкий окрик остановил его:

– Брось саблю! И медленно повернись! Без резких движений! Иначе прострелю башку!

Амир откинул в сторону саблю и стал поворачиваться. В трёх шагах от него стоял мужчина с восьмиствольным пистолетом. Амир оглянулся по сторонам, но больше никого не обнаружил.

– Ты кто? – спросил он, лихорадочно думая, как выйти из ситуации.

– Меня зовут Абдалла! – ответил Мацкевич. – А ты кто?

– Я Амир!

– Амир, жить хочешь?

– Конечно, хочу...

– Тогда развяжи пояс, скинь халат, чтобы я видел, что там нет оружия.

Амир выполнил приказание Мацкевича.

– А теперь беги к своим и скажи, чтобы убирались отсюда. У нас достаточно оружия и людей, чтобы противостоять вашей банде. Сегодня не ваш день. У меня нет претензий

к вам. А вот Сейф аль-Малюку передайте привет. Встречу – в живых не оставлю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.